

CONTENTS

N.Z. Nasrullaeva , <i>Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan</i> GENDER CONCEPTS IN THE SEMANTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS.....	3
I. Usachenko , <i>Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine</i> REVISITING THE ISSUE OF PHONOSTYLES.....	5
O. Nazarenko, N. Prykhodko , <i>Sumy State University, Ukraine</i> COGNITIVE-PRAGMATIC ORIENTATION OF PROPER NAMES IN THE ENGLISH FAIRY-TALE DISCOURSE.....	9
O. Shumenko , <i>Sumy State University, Ukraine</i> DENUMERAL DERIVATION OF QUANTITATIVE UNITS IN ENGLISH.....	13
O. Zhulavska, A. Piantkovska , <i>Sumy State University, Ukraine</i> MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF TERRORISM IN THE BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE OF 2014.....	16
I. Kobyakova, G. Chulanova , <i>Sumy State University, Ukraine</i> EXPRESSIVENESS OF BLURBS: SYNTACTIC LEVEL.....	19
D. Hamze , <i>Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria</i> THE ROLE OF DEIXIS IN THE GROTESQUE GENESIS (on works of W. Gombrowich).....	23
A. Zalevskaya , <i>Tver State University, Russia</i> CERTAIN PECULIARITIES OF THE LANGUAGE SYSTEMS DEVELOPMENT IN THE LIGHT OF PUBLIC RELATIONS DYNAMICS ACCELERATION.....	33
V. Lee , <i>Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan</i> ON HUMAN FACTOR INFLUENCE ON SEMANTIC PROCESSES IN THE LANGUAGE SYSTEM.....	38
O. Nazina , <i>Orenburg Presidential Cadet School, Russia</i> REPRESENTATION OF THE GLOBAL INNOVATIVE INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE IN THE MODERN CINEMA (BASED ON MATERIALS OF TRAILERS TEXTS).....	43
L. Shutova , <i>Luhansk National University named after Taras Shevchenko, Ukraine</i> VERBALIZATION OF THE «BRUTALITY» CONCEPT IN VARIOUS DISCOURSES OF UKRAINIAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURES.....	46

CONTENTS

N.Z. Nasrullaeva, Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan GENDER CONCEPTS IN THE SEMANTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS.....	3
I. Usachenko, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine REVISITING THE ISSUE OF PHONOSTYLES.....	5
Назаренко Е., Приходько Н., Обуховская А., Сумской государственный университет, Украина КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК.....	9
Шуменко О.А., Сумской государственный университет, Украина ДЕНУМЕРАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КВАНТИТАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	13
О. Жулавская, А. Пьянтковская, Сумской государственный университет, Украина СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ТЕРРОРИЗМ» В БРИТАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ЗА 2014 ГОД.....	16
I. Kobyakova, G. Chulanova, Sumy State University, Ukraine EXPRESSIVENESS OF BLURBS: SYNTACTIC LEVEL.....	19
Хамзе Д.Г., Пловдивски университет Паусий Хилендарски, Болгария РОЛЬ ДЕЙКСИСА В ГРОТЕСКОГЕНЕЗЕ (на материале творчества В. Гомбровича).....	23
Залевская А.А., Тверской государственный университет, Россия НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ В СВЕТЕ УСКОРЕНИЯ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	33
Ли В.С., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан О ВЛИЯНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ.....	38
Назина О.В., Оренбургский государственный университет, Россия РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ТРЕЙЛЕРОВ).....	43
Шутова Л.И., Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «БРУТАЛЬНОСТЬ» В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР.....	46

GENDER CONCEPTS IN THE SEMANTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

N.Z. Nasrullaeva, Candidate of Philology, Senior Scientific Researcher
Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

The article investigates English phraseological units which have gender component in the structure and thus create gender stereotypes of man and woman on the material of English phraseology. Moreover, such notions as appearance, social status, age, intellectual abilities are analyzed as elements forming the gender concepts "man" and "woman".

Keywords: masculine, feminine, gender, stereotype, concept, social status, interrelation, positive mark, negative mark.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1253>

Gender investigations are becoming more and more important in the English linguistics. This has two main reasons: first – English is the language of international communication, and second - it has no vivid expression of gender in all parts of speech as it occurs in some other languages. Investigation of the gender factor makes it necessary to study the English phraseological units and proverbs from the gender standpoint.

Gender stereotypes are essential notions in gender investigation, and they are based on masculine and feminine characteristics and ways of their behavior. Gender stereotypes contain special qualities depending on affiliation with the certain biological sex. A language system focuses and reflects gender stereotypes of a definite culture.

The lexical and phraseological levels are considered to be the brightest indicator of gender relations. They describe exact positive and negative experience of interrelation of men and women in the society. That's why every language contains cultural and national peculiarities of people. Phraseological units and proverbs have the richest potential of such gender relations.

While analyzing the English phraseological system from the standpoint of gender linguistics, it should be noted that it's divided into two main groups: gender-marked and gender-neutral. We are interested in the gender-marked ones which enlighten the notions "masculine" and "feminine" and all the associations connected with them.

The investigation of concepts "Man" and "Woman" was made from different angles:

- a) age gradation;
- b) social status;
- c) behavioral activity

Moreover, there are also partial

containers of gender concepts, as: naturally-physiological, physical-anatomic, psychological and intellectual, appearance, character, roles depending on affiliation with the certain sex.

In gender representation of the English society the concept of "Man" is based on such items as: braveness, career, prosperous life, taking care of women, being father and equal right spouse.

Feminine notion takes such traits as: social-biological functions of women, sexually-attractive appearance, age, love, marriage, perfect wife, housewife, a good friend, independent woman, equal right partner.

An interesting fact is when words related to men are used for women - they bring positiveness, and vice versa when words related to women and used for men - they give negative characteristics.

The gender notions of an English woman are a bit different because of the social process and the women's success in making career and leadership. Because of changes in social roles, feminine characteristics of English women are supplemented with confidence, self-sureness, equal right spouse; masculine characteristics of English men - with father, taking care of children and husband, helping to his wife in household duties [1. p.54].

English phraseological units perfectly reflect a number of characteristics belonging to men and women.

1. Appearance.

It's the colour of face: *red as a poppy; turn red as a poppy; white as a lily.*

2. Health.

If a person feels good, he/she has a fresh face: *fresh as a rose, fresh as a daisy; fresh as a flower; fresh as flowers in May.*

3. Character.

Pureness and innocence of young people are opened in these phraseological units: *as pure as a lily; as innocent as a new-born.*

In the English language the notion "Woman" is also close to words "wife" and "maid". The notion "Man" is presented only by one word "man".

In the English language system men need women; it's obvious in the following proverb: *"A man without a woman is like a ship without a sail"*. But men sometimes suffer from wicked wives: *"Three things drive a man out of his house: smoke, dropping of rain and wicked wives"*.

Many English proverbs describing gender stereotypes compare masculine and feminine notions, and feminine are often met with negative mark.

"Man, woman and devil are the three degrees of comparison" – this proverb reminds of three degrees of comparison: bad – worse – the worst. As we see women are worse than men.

"Deeds are males, and words are females" – we again can feel the hint on women's chattering and wasting time. Another proverb proves this: *"A sieve will hold water better than a woman's mouth a secret"*.

Though most of English proverbs characterize women as stupid and having little mind, like *"Women have long hair and short brains"*, there are still some of them which highly mark women's intellect: *"Women's instinct is often truer than men's reasoning"*. Or another proverb – *"Women on mischief are wiser than men"*.

A number of proverbs give positive characteristics to women's role of wife, mother and a housekeeper which make men more responsible for their family [2.p.164]. *"The wife is the key of the*

house” – is a vivid example. Or “*He that has a wife and children must not sit with his fingers in his mouth. Men make houses, women make homes*”.

Some proverbs describe women as self-assured and willful, having own point of view. In this case men are lead to negativeness: “*The most masters wear no breeches. Where the mistress is the master the parsley grows the faster*”.

The role of a woman as a mother-in-law has a strong negative mark and leaves an impression of a wicked, capricious and gloomy woman: “*She is well married who has neither mother-in-law nor sister-in-law by her*”. “*Happy is she who marries the son of dead mother*”.

Women are also depicted as partners of the devil: “*Women are the devil's nets*” [3]. Women take more care of their appearance than intelligence: “*Women are wacky, women are vain; they'd rather be pretty than have a good brain*”.

There are few proverbs describing men, most of them are related to appearance and relations with women. As for the phraseological units, there are many of them forming the concept of “Man”: *ladies' man, mother's darling, the master of one's destiny (fate)*.

Phraseological units describing men's appearance are met with both positive and negative mark: *bald as a coot* (negative), *admiral of the red* (negative); *blue-eyed boy* (positive) [4].

Phraseological units showing men's character: *(as) gentle as a lamb; mamma's darling; a heart of oak* (=brave); *a tough nut* (=strict, firm); *of the bull-dog breed* (=strong); *also ran* (=unlucky); *Jack among the maids* (=women's lover); *wild and woolly* (=awkward, rude) [4].

In family the position of men is higher; absence of it has negative mark: *John Thomson's man* (=man who is under his wife's shoe); *like father, like a son*.

There are some phraseological units which depict men's various social status: *a back room boy* - a good specialist, *a man of rank* - a man of high position; *a broken man* - a bad man. Phraseological units describing men's behavior: *a rough customer, fighting cock*. Men's intellect mostly has a positive mark in the English phraseology: *clever dog*.

Thus, the English phraseological units and proverbs possess a rich potential of masculine and feminine characteristic and give basis to gender-related investigation of national peculiarities of

the concepts of “Man” and “Woman”. As the analysis has shown, women have more negative characteristics than men in the English phraseological system.

References:

1. Benor Sarah, Rose Mary, Sharma Devyani, Sweetland Julie and Zhang Qing (eds.). Under Construction: Gendered Practices in Language. – Stanford., CSLI Publications, 2002. – 194 p.
2. Christie Christine. Gender and Language: Towards a Feminist Pragmatics. - Edinburgh., Edinburgh University Press, 2000. – 386 p.
3. Concise Oxford Dictionary of Proverbs. – Oxford., Oxford University Press, 1998. – 608 p.
4. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. - Tokyo Kenkyusha, 1993. – 990 p.

Information about author:

1. Nafisa Nasrullaeva - Candidate of Philology, Senior Scientific Researcher, Samarkand State Institute of Foreign Languages; address: Uzbekistan, Samarkand city; e-mail: nafisa82@bk.ru

REVISITING THE ISSUE OF PHONOSTYLES

I. Usachenko, Lecturer
Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine

The article actualizes different approaches to phonostylistic studies and analyses the problem of phonostyles differentiation.

Keywords: phonostylistics, language style, speech style, phonostyle.

Conference participant

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1252>

At the current stage of the linguistic science development, special attention is paid to the issues of language functioning in the process of communication, study of various factors directing the language process and affecting the implementation of language means, structural linguistic features of styles and patterns of their implementation.

Phonostylistics is a relatively new branch of linguistics, one of the main objectives of which is to identify different phonetic modifications under the influence of extralinguistic factors, although the references to the role of phonetic means in utterances styling can be found in numerous studies.

Traditionally the linguistic science divides phonostylistics into segmental and suprasegmental depending on the aspect under study, i.e. sounds or speech prosody accordingly. Phonetic studies of segment set are much more numerous and this section is more developed. Thus, the study of sound symbolism begins with Plato and Aristotle [7].

Analyzing the segment (phonemic) level of the linguistic structure, phoneticians-experimentalists increasingly turn to the study of the phonetic ambiguity, i.e. sounds that cannot be unambiguously interpreted at the phonemic level. With acoustic and audit types of analysis, such issues as the correlation of complete and incomplete elements of the pronunciation type in the speech signal, the degree of quantitative and structural deformation of segment units under the influence of intra- and extralinguistic factors and, therefore, "resistance" of vocalic and consonant segments of various kinds of influences they are exposed to in every speech act, are examined [2; 5; 13 et al.].

Linguistic science operates with such concepts as the language style and the speech style. Language styles

are different sets of language means depending on the limitations of their composition and varying concentrations, as well as the intenseness of each particular style by the language means typical only for it. Speech styles differ not only with the language means composition and the concentration specific to them, but also with the varying degrees of language means implementation, their repeatability and particular sequence of their use in a particular field of communication [3, P. 9]. Thus, the speech stylistics is aimed at examining the aspects of variability of pronunciation, i.e. studying the stylistic forms of a word developed by the variability of phonemes.

Phonostyles cannot stand separately from functional styles. In the stylistic differentiation of speech phonetic means can be basic ones, but they can also correlate with lexical and grammatical means. It is assumed that there is a connection between stylistic devices of different levels of the language system: phonetic, lexical, syntactic, and morphological.

Different authors use several terms, namely: "pronunciation type", "speech style", "language style", "phonetic style". Our work will deal with the term "phonetic style" or "phonostyle", which refers to a kind of phonetic means combination of all levels of the language phonetic system, peculiar to a statement in a particular form in a certain speech situation [4, P. 7].

The main aspects of phonostylistic studies are the search of patterns of language phonetic means functioning in different forms and types of oral speech, as well as the study of sound variability. Works on the typology of oral speech utterances have made it possible to determine the extralinguistic factors affecting the choice of language phonetic means in styling of a particular utterance

more accurately. Linguistic science differentiates external and internal extralinguistic factors. External factors contribute to generation of stylistic features which are the set of functional style qualitative features that should be obtained by a language for the effective implementation of specific goals of communication in a certain field of speech communication.

Many style features are natural for not just one, but several styles, and in all of them the same features have their own specificity, their functional and stylistic quality. This fact is determined by the differences of language means and the ways of their implementation, differences in target and functional focus, as well as the specificity of the styles [5].

Y.M. Screbnev names the situation-based nature of the speech act (official or not, solemn or casual, etc.), relation of the speaker to the speech recipient, i.e. the degree of intimacy between the speaker and the listener, understanding of communicative goals of the speech – business, scientific explanation and transfer of the speaker's emotional attitude to the object of speech among the factors influencing the selection of linguistic means by a speaker [14]. Y.O. Dubovskyi provides another division: objective factors of a language situation that are independent of interlocutors, namely the form of speech (monologue, dialogue – unilateral, bilateral, multilateral), the type of speech (speaking, reading, citations), the method of communication (direct contact or by technical means), the external conditions of communication (in front of a large audience or a small group of people), stylistic orientation of the speech act (official – unofficial), etc. Other factors depend on the speaker or interlocutor, being identified by them: their age, social status, territorial identity, speaker's degree of readiness (spontaneous,

quasispontaneous or prepared speech), the speaker's profession [8, P. 15]. M.O. Sokolova believes that these factors are divided into two groups: those forming the style and those modifying it. The first group expresses the speaker's strategy and includes the goal and topic of an utterance. Each option provides the selection of different phonetic means to implement an effective communication. The second group includes such extralinguistic factors as the speaker's relation to the communicative situation, to what he/she says or hears; the form of communication (monologue, dialogue or polylogue); the formality degree of the situation and discourse (formal/informal). There are also such important additional factors as the social status of the speakers and the type of publicity (public/non-public speech), the degree of preparedness (prepared/spontaneous speech) [15, P. 21]. The role of these factors in the production of texts is different: some of them, such as the degree of preparedness, play a crucial role, others (e.g. number of recipients) – a minor one. We proceed from the idea that all factors forming a style are interrelated, and only their combination builds a phonostyle.

M.V. Panov in connection with the discussion of problems of the speech styles draws a parallel with lexical styles [10]. R.I. Avanesov mentions that speech styles are closely related to language styles as a whole, but the correlation of speech styles with styles of vocabulary is not straight and simple [1]. N.I. Portnova reasonably believes that functional and phonetic styles are not identical, but they form a dialectical unity reflected in the overall scheme of the social situation [12].

S.M. Haiduchyk notes that phonetic styles are "the complex of phonetic means peculiar to a linguistic utterance in a certain form and situation in a certain field of communication" [6]. The framework for the study of phonetic style was established by M.V. Lomonosov, who distinguished three styles of spoken Russian literary language of the eighteenth century: high, medium and simple. Academician L.V. Shcherba clearly defined two poles – complete style and conversational style [16, P. 21-22].

In the course of further development of the speech style doctrine, linguists have identified three pronunciation styles: high, neutral and conversational. It is believed that different styles of pronunciation cannot be represented as closed systems, isolated from one another; on the contrary, they are very closely related to each other and are characterized by interpenetration.

Phonetic variation is determined by the need to differentiate various styles and genres of speech. Linguists involved in phonostylistics, basing on the L.V. Scherba's notion as for coexistence of many styles in accordance with the wide variety of social conditions of language, point the ways for future research in the field of phonostylistic differentiation of speech. So, S.M. Haiduchik identifies five phonetic styles: solemn, scientific, official, neutral and relaxed. The criterion for this division is a field of their use [6]. There is another appropriate classification of phonetic styles, covering all types of phonetic means of language segment and suprasegment levels, peculiar to utterances under the condition of presence of these extralinguistic factors, and promoting their use in the process of phonostylistic aspect description of other languages. In his turn, E. Nurahmetov believes that the distinguished phonetic styles do not cover the variety of phonetic means at sound and prosodic levels, but he notes that the allocation of these styles discovers the way for further studies of phonetic means of communicative types and kinds of utterances [9]. O.D. Petrenko identifies three phonostyles: reciting, and also reading a report without a microphone in a formal setting; pronunciation when reading texts on the radio or reading fiction; calm business conversation [11, p. 30]. The scientist notes that the existence of the norm implies these oppositions: system – norm – individual speech, literary language – spoken language – a dialect, official style – casual style, sociolect – annolect – sexolect – idiolect.

A. Cruttenden uses two contrasts: formal/informal, rehearsed/spontaneous [17, P. 37-40]. D. Jones analyses five styles: fast familiar, slow spoken, facing the audience, theater and opera [3, P. 21]. In the course of oral monologue utterances study Y.A. Dubovskiy opposes

public (meeting and non-meeting) and non-public (official and unofficial) styles. The author makes it clear that all types of spoken oral text can have direct or indirect contact implementation [8, P. 82]. The given classification demonstrates the fact that the author distributes phonostyles depending on the formality degree of relations between the speakers and the audience. V. Yakubovych identifies five phonostyles: formal (dramatic language, singing of opera singers), full (characteristic of the political and judicial speakers), spoken (used during the interviews, parliament debates, scientific discussions), informal (practiced among equal communicators in their social position and on television and radio, in classrooms), extremely informal (family, circle of friends). The author says that the first two types are characteristics of monologues; the others are for dialogues [18, P. 114-115].

Phonostyles as well as the functional styles rarely exist in their pure form. Depending on the purpose of communication and the communicative situation in general they can intertwine, complementing each other. However, each phonostyle is characterized by a certain ratio of typological characteristics, among which the form of speech (verbal/written), the type of speech (monologue/dialogue), the degree of preparedness (prepared/spontaneous), the number of communicants (public/non-public), the relationship between participants in the communicative act (formal/informal) are chief ones. The study of functional-stylistic differentiation of oral speech remains an urgent task of communicative phonetics and phonostylistics.

References:

1. Avanesov R.I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie [Russian literary pronunciation]., R.I. Avanesov. – Moskva., Prosveshchenie [Education]., 1984. – 384 p.
2. Bondarko L.V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka [Sound system of the modern Russian language]., L.V. Bondarko. – Moskva, 1977.
3. Velikaja E.V. Prosodiya v stilevoj differenciacii jazyka [Prosody in the style differentiation of a language]., Monografija [Monograph] E.V. Velikaja.

- Moskva, «Prometej» MPGU, 2008. – 163 c.
4. Gajduchik S.M. Fonostilisticheskij aspekt ustnoj rechi: Avtoreferat dis. doktora filol. nauk [Phonostylistic aspect of oral speech: Thesis abstract by Doctor of Philology]. S.M. Gajduchik. – Leningrad, 1973.
5. Gajduchik S.M. Fonostilisticheskaja differenciacija ustnoj rechi [Phonostylistic differentiation of oral speech]., S.M. Gajduchik *Romanskoe i germanskoe jazykoznanie: Sb. nauch. tr.* [Roman and German linguistics. Collection of scientific works]. – Minsk., 1979., Issue 1. Voprosy jeksperimental'noj lingvistiki [Issues of experimental linguistics]., pp. 15-22.
6. Gajduchik S.M. K voprosu o klassifikacii foneticheskikh stilej i o predmete fonostilisticheskikh issledovanij [On the issue of phonetic styles classification and about the subject of the phonostylistic research]., S.M. Gajduchik *Romanskoe i germanskoe jazykoznanie* [Roman and German linguistics. Collection of scientific works]., Resp. mezhved. sb. – Minsk., 1981., Issue 11., pp. 9-15.
7. Gordееva T.A. Fonostilisticheskaja markirovannost' nemeckogoliteraturnogo proiznoshenija [Phonostylistic marks of the German literary pronunciation]., T.A. Gordееva *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij* [News of higher educational institutions]., Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki [Humanities]. – 2007., No. 1., pp. 98-107.
8. Dubovskij Ju.A. Prosodicheskie kontrasty v jazyke [Prosodic contrasts in language]. Uch. pos. [Educational manual]., Ju.A. Dubovskij. – Simferopol', SGU, 1983.
9. Nurahmetov, E. Problemy suprasegmentnoj fonostilistiki (na materiale fr. jaz): dis. d-ra filol. nauk: 10.02.05 [Problems of suprasegment phonostylistics (on material of French language): thesis by the Doctor of Philology: 10.02.05]. E. Nurahmetov. – Moskva, 1997. – 235 p.
10. Panov M.V. Pozicionnye otnoshenija v stilistike [The position relations in stylistics]. M.V. Panov *Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku* [Works on general linguistics and Russian]., Vol. 1. – Moskva., Jazyki slavjanskoj kul'tury [Languages of the Slavic culture], 2004., pp. 30-35.
11. Petrenko A.D. Socio-foneticheskaja variativnost' sovremenogo nemeckogo jazyka v Germanii [Socio-phonetic variability of modern German language in Germany]., A.D. Petrenko. – Kiev., Ridna mova [Native language], 1998. – 254 p.
12. Portnova N.I. Social'no-stilisticheskaja variativnost' zvukovyh edinic sovremenogo francuzskogo jazyka v processe verbal'noj kommunikacii (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): dis. d-ra filol. Nauk [Social and stylistic variability of sound units of the modern French language in the course of verbal communication (experimental and phonetic research): thesis by the Doctor of Philology]., N.I. Portnova. – Moskva., 1991.
13. Potapova R.K. Segmentno-strukturnaja organizacija rechi (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): dis. d-ra filol. nauk [Segment and structural organization of the speech (experimental and phonetic research): thesis by the Doctor of Philology]. R.K. Potapova. – Leningrad, 1981.
14. Skrebnev Ju.M. Jazykovaja i subjazykovaja norma [Language and sublanguage norm]., Ju.M. Skrebnev *Normy realizacii* [Norms of realization]. Var'irovanie jazykovykh sredstv: Mezhevz.sb.n.tr. [Variation of language means: Inter-university collection of scientific works]. – Gor'kij, 1984. – Pp. 161-173.
15. Teoreticheskaja fonetika anglijskogo jazyka [Theoretical phonetics of English]. – Moskva, Vysshaja shkola [Higher school], 1991.
16. Shherba L.V. Fonetika francuzskogo jazyka [Phonetics of French language]. L.V. Shherba. – Moskva, 1953.
17. Cruttenden A. Intonation. A. Cruttenden. – Cambridge, 1986. <http://dx.doi.org/10.1017/s0022226700011361>
18. Yakubovich V. An Introduction to English Phonetics and Phonology. V. Yakubovich. – Pyatigorsk, PGLU, 2001.
- Аванесов. – М., Просвещение, 1984. – 384 с.
2. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка / Л.В. Бондарко. – М., 1977.
3. Великая Е.В. Просодия в стилиевой дифференциации языка. Монография / Е.В. Великая. – М., «Прометей» МПГУ, 2008. – 163 с.
4. Гайдучик С.М. Фоностилистический аспект устной речи: Автореферат дис. доктора филол. наук / С.М. Гайдучик. – Л., 1973.
5. Гайдучик С.М. Фоностилистическая дифференциация устной речи / С.М. Гайдучик // *Романское и германское языкознание: Сб. науч. тр.* – Минск, 1979. – Вып. 1. Вопросы экспериментальной лингвистики. – С. 15-22.
6. Гайдучик С.М. К вопросу о классификации фонетических стилей и о предмете фоностилистических исследований / С.М. Гайдучик // *Романское и германское языкознание. Респ. межвед. сб.* – Минск, 1981. – Вып. 11. – С. 9-15.
7. Гордеева Т.А. Фоностилистическая маркированность немецкого литературного произношения / Т.А. Гордеева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2007. – №1. – С. 98-107.
8. Дубовский Ю.А. Просодические контрасты в языке. Уч. пос. / Ю.А. Дубовский. – Симферополь: СГУ, 1983.
9. Нурахметов, Е. Проблемы супrasegmentной фоностилистики (на материале фр. яз): дис. д-ра филол. наук: 10.02.05 / Е. Нурахметов. – М., 1997. – 235 с.
10. Панов М.В. Позиционные отношения в стилистике / М.В. Панов // *Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1.* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 30-35.
11. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А.Д. Петренко. – К.: Рідна мова, 1998. – 254 с.
12. Портнова Н.И. Социально-стилистическая вариативность звуковых единиц современного французского языка в процессе вербальной коммуникации (экспериментально-фонетическое исследование): дис.

Литература:

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение / Р.И.

д-ра филол. наук / Н.И. Портнова. – М., 1991.

13. Потапова Р.К. Сегментно-структурная организация речи (экспериментально-фонетическое исследование): дис. д-ра филол. наук /Р.К. Потапова. – Л., 1981.

14. Скребнев Ю.М. Языковая и субъязыковая норма / Ю.М. Скребнев // Нормы реализации. Варьирование языковых средств: Межвуз.

сб.н.тр. – Горький, 1984. – С. 161-173.

15. Теоретическая фонетика английского языка. – М.: Высшая школа, 1991.

16. Щерба Л.В. Фонетика французского языка / Л.В. Щерба. – М., 1953.

17. Cruttenden A. Intonation / A. Cruttenden. – Cambridge, 1986. <http://dx.doi.org/10.1017/s0022226700011361>

18. Yakubovich V. An Introduction to English Phonetics and Phonology / V. Yakubovich. – Pyatigorsk: PGLU, 2001.

Information about author:

1. Irina Usachenko - Lecturer, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: usachenkoiv@yandex.ru

COGNITIVE-PRAGMATIC ORIENTATION OF PROPER NAMES IN THE ENGLISH FAIRY-TALE DISCOURSE

O. Nazarenko, Lecturer of the Department of Germanic Philology
N. Prykhodko, Lecturer of the Department of Germanic Philology
A. Obukhovska 4-th year student of Translation specialty
Sumy State University, Ukraine

The article deals with proper names, which are obligatory in the fairy-tale discourse and are cognitively, semantically and communicatively charged. Cognitive way of studying functional and pragmatic peculiarities of proper names in the English fairy-tale discourse reveals semantic meaning and pragmatic orientation of proper names as transferring units of the cognitive information.

Keywords: proper names, fairy-tale discourse, cognition, pragmatic orientation, communicative charge.

Conference participants, National championship in scientific analytics Open
European and Asian research analytics championship

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК

Назаренко Е., преподаватель
Приходько Н., преподаватель
Обуховская А., студент
Сумской государственной университет, Украина

Статья посвящена именам собственным, которые являются облигаторным элементом сказочного дискурса и несут когнитивную, семантическую и коммуникативную нагрузку. Когнитивный подход к исследованию функционально-прагматических особенностей имен собственных в англоязычном сказочном дискурсе раскрывает смысловое наполнение, экстралингвальные особенности и прагматическую направленность имен собственных как трансферов когнитивной информации.

Ключевые слова: имена собственные, сказочный дискурс, когнитивный подход, прагматическая направленность, коммуникативный заряд.

Участники конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1254>

Aspects of cognitive and pragmatic trends of the text prevail in the domain of modern linguistics. An obligatory element of the fairy-tale discourse is proper names (the object of our article) which have semantic, communicative and cognitive charge. According to the New Webster's Dictionary definition, proper names (PN) – are nouns or adjectives, naming a specific person and written with a capital letter [1, p.1197]. PN have a special status in the language and do not submit to certain laws which are typical for common names [2, p.41]. Onomastics, as a part of lexicology, has been distinguished as an independent science when scientists clearly realized the difference between PN and common names [3, p.69]. Cognitive orientation of PN, their orientation to the reader, author's intention which are implicated in PN are the subject of the article. Communicative and cognitive approach to PN and their functioning in the text are relevant in today's mainstream linguistics (S.M. Spivak., S.A. Yarova, L.M. Lazarenko) [4, p.1], [4, p.231] [6, p.217]. The purpose of this article is studying the background knowledge related to PN in the English fairy-tale discourse and their cognitive orientation towards the reader.

O.S. Akhmanova identifies PN as words or phrases the specific purpose

of which is to identify individual items without regard to their characteristics, i.e. without establishment of the correspondences between qualities of subjects [7, p.175]. As S.M. Spivak points out, PN are codes of background knowledge, specific types of compressed national and cultural texts, the semantic memory of which keeps cultural and historical subjects written in the contemporary social consciousness [4, p.1]. Means of nomination and images laid up in the basis of the name are ethnically defined, despite the fact that typical nature and anthropological universals in the imagery of the names are common. Names and nicknames in colloquial language are associated with the realities, traditions and the religion [8, p.15]. Culture and social life are always reflected in PN [8, p.22]. Extra-linguistic factors have significant effect on the quality of the names and their place in the language, as linguistic signs identifying an individual and having a strongly marked national and cultural component [9, p.148]. PN as a unit category, are used to highlight, identify and characterize certain reality and at the same time they help to activate knowledge about it [10, p.430]. PN perform nominative function, as well as the function of representation of individual fragments of the world and its conceptualization.

O. V. Superanska points out that PN

don't have connotations (conditional intention in other words); they have denotation, because they nominate an individual to differentiate him among others. The meaning of PN is known only to those whom the individual is introduced to [8, p.69]. In the language beyond the discourse PN don't have the denotative value [11, p.106]. Cognitive orientation of PN is in understanding the act of nomination from the cognitive position and in finding answers to questions, which sets of concepts are verbalized in a particular language and why; what particular form of speech is herewith selected [10, p.71]. Speech and cognitive development have an impact on each other, and the names, including PN, are the sources of knowledge about objects. Cognition and communication as the main functions of the language, equally determine its specificity and structure [10, p.325]. They should be explored at their permanent agreement and interdependence.

Often PN provide the addressee with information and knowledge about the status and position, which the individual has in the society. The social status of a person - is the position of a person in a social system, rights and duties, and as a result - the mutual expectation of certain behaviour. Herewith the individual characteristics of a person occupy a secondary position. An indication of

the status of a person is often his name. Nationality, sex, age and marital status of the individual are encoded in the name. Even the right to have a name may be the evidence of a social status. If we investigate PN from the cognitive position in a certain society we can gain knowledge about general and specific model of behaviour of people speaking a common language and sharing a system of appraisal norms of the society, and determine principles of social organization [12, p.5]. The expression of social status in PN can have both implicit (connotations, associations) and explicit nature.

PN respond to social changes more than common names. In PN, regardless of the will of those who give the name, the culture and social life are always reflected. Fulfilling a number of social functions, PN live and develop under the laws of language, while the reasons that stimulate the development of nominal systems are social in origin, i.e. are beyond the linguistics [8, p.26]. Even the form of the name - a structural component of onomastics - in some way is conditioned by social factors.

There are four main ways of PN origin: transformation from common names in PN (onomisation), borrowing of foreign PN, transition of PN from one level to another (transonimisation) and the artificial creation of occasional names [8, p.473].

Unlike PN, common names relate an object to its class, have basic and additional connotations. The proper names are associated with an individual object or multiple objects of the same name, each of which is taken individually. PN mean a separate subject, not associated with the concept, but they can have other connotations. If a side connotation develops into a major one, PN become common names. PN are always specific. If concreteness of an object is not available, the tendency of PN transformation into common names is observed [8, p.113]. These processes between proper and common names (CN) form a universal group of names in language systems. They occupy a central place in the vector of common names (CN₁) - PN - CN₂.

CN₁ and CN₂ identify an object, actualize denotative or connotative

meaning. Unlike CN, PN point at a single object, name it. An object that calls PN is specific. Over time PN will be converted to CN, the tendency of transformation PN → CN will become up-to-date [8, p.113].

PN formed from common names, can develop their derivational paradigm. Derived from the PN words retain the seme of the name. Compare: Eng. *present-day Shakespeare, Conan Doyle's style*; Ukr. *сучасний Франко, шевченківський стиль*. These derivatives enrich their semantics, indicate the typed characteristics of these individuals.

The emergence of new connotations becomes possible due to influence of extra-linguistic factors. For example, when the denotation of PN is known to members of a certain society. In this case, the name returns to the paradigm of CN [8, p.117]. Appealing to PN in fiction is presented in so-called expressive names. These names are identical in their shapes to common names that denote the most peculiar features of a character. The name of the character is an important factor in the creation of the work. It updates the author's pragmatic orientation of the text on the reader's complicity. The main aim of the function of appealing to PN is excitation of images and emotions caused by the values contained in the associative and semantic field of PN. Affectability of PN, in turn, activates the process of its understanding [4, p.14]. Thus the contact between an author and a reader is created, ensuring the success of creative communication.

In the literary work the name plays an important role as a landmark in time and space. In the language of fiction a former common meaning of the name can have characterological application; name and surname of the character may be a part of its characteristics. The simplest example is expressive names and surnames [8, p.32]. The names of literary characters we can divide into those that characterize them explicitly and implicitly, and as a conclusion we can say that a moment of characteristics is more important than just a nomination in fiction.

Communicative and pragmatic approach to the study of PN foresees the determination of functional and pragmatic properties of PN in the

English literary discourse, clarifying conceptual basis of the compositional and semantic structure and the role of PN in its formation [4, p.3]. Notional filling of PN is determined by semantic analysis of descriptions and definitions which are contained in the culturological dictionaries.

Proper names of the famous collection by Clive Lewis "The Chronicles of Narnia" cause the research interest, as a store of factual material for linguistic research, and especially for onomastics [13, p.12]. Naming the character, PN becomes a thematic word. Due to its inseparability from the character, the name is perceived in the associative complex with it; it gets the right not only to indicate the denoted object, but also serves as its characterological representative. That is to say when PN are in the context, they can take any content. Meaningful saturation of PN occurs gradually [8, p.110]. It includes all the skills of the character given to him by the author.

Characters of the series of fantastic tales ("The Chronicles of Narnia") possess extraordinary powers, capabilities and creativity which help them to overcome all the trials on the way to the goal. According to the thematic basis we can divide tales into magical, domestic and animalistic [14, p.2]. Fantastic tales originally had a magical purpose, which over time has been lost. In modern fiction tales mythical fantastic and heroic principles are combined [15, p.322]. One of the main functions of fairy tales is cognitive, that is accumulated in PN of characters of a tale which transfer cognitive information and carry the knowledge about national peculiarities of a certain ethnos and the way of their life, work, mode of life, natural environment, individual features of narrator and characters.

Conf.: *And in those days there lived in London a girl called Polly Plummer. Plummer* ← Eng. *plum* – Ukr. *ласий иматочок; вигідне замовлення* ← *слива* [16]. The name of the main character of the tale, a little English girl, who needs adventure and communication, contains a clear motivation, however, is quite typical for the British. Comp.:... *for Digory was the sort of person who wants to know everything, and when he grew up*

he became the famous Professor Kirke who comes into other books. Digory ← Eng. digo – Ukr. зрєбля, зазата. Kirke ← Eng. kirk – Ukr. цєрквa [16]. From PN of these characters we will learn about true, reliable friend and clever, well-educated person. Comp.: “That was the secret of secrets,” said the Queen Jadis [16]. Jadis ← Eng. jadish – Ukr. непусти́йний, нечесний. The name of the queen gives the reader a certain idea about this character, prepares to perceive this person as a negative personage.

A specific feature of tales by Clive Lewis “The Chronicles of Narnia” is a combination of a fantastic type of tales with animalistic ones. Animals in these tales act side by side with people and magical creatures, performing good or bad deeds. Tales about animals are genetically the most ancient, associated with totemic ideas [15, p.321]. C. Lewis, using the knowledge and experience, accumulated by the English nation, makes animals characters of his tales and instead of naming them, he capitalizes common names of the animals, which become their proper names. The process of conversional transfer from common name to proper one takes place. Conf.: *The Lion was pacing to and fro about that empty land and singing his new song.* The Lion ← Eng. lion – Ukr. лев. *The Jackdaw became so embarrassed that it hid its head under its wings as if it was going to sleep.* The Jackdaw ← Eng. jackdaw – Ukr. залка. *Come hither to me, you the chief Dwarf, and you the River-god, and you Oak and the Owl, and both the Ravens and the Bull-Elephant.* The Owl ← Eng. owl – Ukr. сова. *The Raven* ← Eng. raven – Ukr. ворон, крук. *The Bull-Elephant* ← Eng. bull-elephant – Ukr. слон.

Cognitive-pragmatic orientation of this type of PN is towards using names of animals according to historical and national perceptions of the ethnos. Differentiation of animals into good and bad, clever and outspoken, brave and timid is in line with the concept of the British about certain animals. That in its turn allows a reader to find out information about the world outlook of a certain nation and helps children to learn more about animals and their characteristic features.

Conf.: *When the Bulldog spoke to him*

(or, as he thought, first snarled and then growled at him) he held out his shaking hand and gasped “Good Doggie, then, poor old fellow. *The Bulldog* ← Eng. bulldog – Ukr. бульдог (злий сильний собака). “Well?” said the He-Beaver at last, “what, in the name of Aslan, are these?” *The Beaver* ← Eng. beaver – Ukr. бобер. *A Panther, which had been washing its face, stopped for a moment to say. Panther* ← Eng. panther – Ukr. пантера, леопард. “You surely don’t mean,” said the Jackdaw to the Badger, “that you think its a talking animal! *It didn’t say any words.*” *The Badger* ← Eng. badger – Ukr. борсук. “I tell you what!” said the Donkey brightly, “perhaps it’s an animal that can’t talk but thinks it can.” *The Donkey* ← Eng. donkey – Ukr. оца.

On the materials of the previously mentioned examples we can see that the conversional transition from common names to proper names and the usage of PN formed in such a way, give a narrator the possibility to realize a cognitive function of PN and present ethnical ideas about certain phenomena to readers of all ages.

Cognitive orientation of PN in the English fairy-tale discourse is shown in the information which PN contain, in their structure and semantic fullness. This allows the reader to explore the world in the process of decoding PN. Further research will be devoted to polyaspects, polyfunctionality and polymodality of PN in the English fairy-tale discourse.

References:

1. New Webster’s Dictionary – Surjeet Publications, Delhi, 1988 – 1824 p. <http://dx.doi.org/10.1017/s0266078400003990>
2. Brozgol’ O. Imja sobstvennoe v strukture tovarnogo znaka [Proper name in the structure of a trademark]. Materiali mizhvuzivs’koï students’koï naukovoï konferencii [Materials of the international student scientific conference]. Zistavne vivchennja Germans’kii i romans’kih mov i literatur [Comparative studying of German and Romanic languages and literatures], 1 Part. – Donec’k., DonNU, 2005., pp. 41-44.
3. Ermolovich D.I. Teorija perevoda i onomastika [Translation theory and

onomastics], Vestnik MGLU [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], Issue 488. – Moskva., 2005., pp. 67-90.

4. Spivak S.M. Vlasna nazva v kompozicijno-smislovij strukturi virshovanih tekstiv amerikans’koï poezii: komunikativno-kognitivnij pidhid [Proper name in the composite and semantic structure of rhymed texts of American poetry: communicative and cognitive approach.]. Avtoreferat [Abstract]. – Kyiv., 2004. – 19 p.

5. Jarova S.A. Funkcionuvannja vlasnih nazv u hudozhn’omu teksti ta problema ih perekladu [Functioning of proper names in the art text and the problem of their translation]., Filologichni studii [Philological studies]. – Luc’k., 2004., pp. 230–235.

6. Lazarenko L.M. Sociokul’turnij komponent perekladu antroponimichnoï ta toponimichnoï leksiki hudozhn’ogo tvorcu [Sociocultural component of art works’ antroponimic and toponymic lexicon translation]., Visnik Sums’kogo derzhavnogo universitetu [Bulletin of Sumy state university], Ser. Filologichni nauki [Philology], 2004., No. 3 (62), pp. 217-222.

7. Ahmanova O.S. Slovar’ lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. – Moskva, “Sovetskaja jenciklopedija” [“Soviet encyclopedia”], 1969 – 608 p.

8. Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [The general theory of a proper name]. – Moskva., “Nauka” [“Science”], 1973 – 366 p.

9. Vukolova V. Osoblivosti perekladu rosijs’kih ekspresivnih antroponimiv zasobami anglijs’koï movi [Peculiarities of translation of Russian expressional anthroponyms by means of English language]., Filologichni studii [Philological studies], No. 1(25), Naukovij chasopis [Scientific journal]. – Luc’k., 2004., pp. 146-151.

10. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie [Language and knowledge]. – Moskva., Jazyki slavjanskoj kul’tury [Language of the Slavic culture], 2004 – 556 p.

11. Kuharenko V.A. Interpretacija tekstu [Interpretation of a text]. – Vinnicja: “Nova kniga” [“New book”], 2004 – 261p.

12. Karasik V. Jazyk social’nogo

statusa [Language of the social status]. – Moskva., “Gnozis”, 2002 – 333 p.

13. Galas B.K. Ukraïns'kij onomastichnij material u rukopisnih slovnikaх XIX st. [Ukrainian onomastic material in the hand-written dictionaries of the XIX century]., Shosta respublikans'ka onomastichna konferencija [6th republican onomastic conference]., Tezi dopovidej i povidomlen' [Theses of reports and messages]. I. Teoretichna ta istorichna onomastika [Theoretical and historical onomastics]., Literaturna onomastika [Literary onomastics]. – Odesa, 1990., pp. 12–13.

14. Shvachko S.A. Soderzhatel'no-strukturnye aspekty anglijskih skazok i stihotvorenij [Substantial and structural aspects of the English fairy tales and poems]. Metodicheskie rekomendacii [Methodical recommendations]. – Sumy., SGPI, 1988 – 34 p.

15. Literaturoznavchij slovnik-dovidnik [Literary dictionary-manual]., Issue 2. – Kyiv., “Akademija” [“Academy”], 2006 – 753 p.

16. "Artifact" Library., Access mode: <http://artefact.lib.ru/library/lewis.htm>

Литература:

1. New Webster's Dictionary – Surjeet Publications, Delhi, 1988 – 1824p. <http://dx.doi.org/10.1017/s0266078400003990>

2. Брозголь О. Имя собственное в структуре товарного знака// Матеріали

міжвузівської студентської наукової конференції. Зіставне вивчення германської і романських мов і літератур. Частина перша – Донецьк: ДонНУ, 2005 – С.41-44.

3. Ермолович Д.И. Теория перевода и ономастика// Вестник МГЛУ. Выпуск 488 – М., 2005 – С.67-90.

4. Співак С.М. Власна назва в композиційно-смісловій структурі віршованих текстів американської поезії: комунікативно-когнітивний підхід. Автореферат – Київ, 2004 – 19с.

5. Ярова С.А. Функціонування власних назв у художньому тексті та проблема їх перекладу// Філологічні студії – Луцьк, 2004 – С. 230 – 235.

6. Лазаренко Л.М. Соціокультурний компонент перекладу антропонімічної та топонімічної лексики художнього твору// Вісник Сумського державного університету. Сер. Філологічні науки, 2004. - №3 (62). – С. 217-222.

7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М.: “Советская энциклопедия”, 1969 – 608с.

8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного – М.: “Наука”, 1973 – 366с.

9. Вуколова В. Особливості перекладу російських експресивних антропонімів засобами англійської мови// Філологічні студії № 1(25). Науковий часопис – Луцьк, 2004 – С.146-151.

10. Кубрякова Е.С. Язык и знание - Москва: Языки славянской культуры, 2004 - 556с.

11. Кухаренко В.А. Інтерпретація тексту – Вінниця: “Нова книга”, 2004 – 261с.

12. Карасик В. Язык социального статуса – М.: “Гнозис”, 2002 – 333с.

13. Галас Б.К. Український ономастичний матеріал у рукописних словниках XIX ст.// Шоста республіканська ономастична конференція. Тези доповідей і повідомлень. I. Теоретична та історична ономастика. Літературна ономастика – Одеса, 1990 – С.12 – 13.

14. Швачко С.А. Содержательно-структурные аспекты английских сказок и стихотворений// Методические рекомендации – Сумы: СГПИ, 1988 – 34с.

15. Літературознавчий словник-довідник. Друге видання – Київ: “Академія”, 2006 – 753с.

16. <http://artefact.lib.ru/library/lewis.htm>

Information about authors:

1. Olena Nazarenko - Lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: hapushka@rambler.ru

2. Nataliya Prykhodko – Lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: prikhodko_nata@mail.ru

3. Anastasiia Obukhovska – Student, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: hapushka@rambler.ru

DENUMERAL DERIVATION OF QUANTITATIVE UNITS IN ENGLISH

O. Shumenko, Candidate of Philology
Sumy State University, Ukraine

The article in question deals with the denumeral derivation of quantitative units in English. The attention is being focused on the semantic charge of the secondary and tertiary constructions of the English Numerals. The perspective vectors of further investigation are being considered.

Keywords: denumeral, derivation, initial unit, derived unit, secondary and tertiary constructions.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ДЕНУМЕРАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КВАНТИТАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Шуменко О.А., канд. филол. наук
Сумской государственной университет, Украина

В статье рассматривается денумеральная деривация квантитативных единиц английского языка. Фокусируется внимание на семантическом наполнении вторичных и третичных конструкций.

Ключевые слова: денумератив, деривация, исходная единица, производное слово, вторичная и третичная конструкции.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1255>

На первый взгляд, единицы синтаксического типа, получив новую форму, не привлекаются к дальнейшим эпидигматическим процессам. Однако узуализация новой формы, соединяясь со старой, фактически приводит к лексикализации новой формы. Как следствие, происходит ее семантическое отделение, и устойчивое словосочетание начинает функционировать как лексическая единица.

Словосочетания английского языка являются постоянным источником пополнения инновационного корпуса. Образование слов от словосочетаний реализуется на векторе интеграции лексического и синтаксического уровней. Действующими способами денумеральных дериватов является морфолого-синтаксический и лексико-морфологический. Стоит отметить, что многие ученые, которые изучают вопрос словообразования, рассматривают оба указанные способы как один. Так, В. В. Виноградов и Н. М. Шанский именуют его *эллиптическим выисканием*, А. М. Бабкин употребляет термин *семантическое намагничивание*, В. М. Мокиенко называет данный процесс *импликация* устойчивого словосочетания в слово. А. В. Петров выделяет и окказиональные способы образования, к которым относятся замкнутое словообразования, словообразовательная контаминация [2; 7; 1; 5; 6].

Производные лексические единицы образуются в пределах таких частей речи как существительное, прилагательное, местоимение, наречие,

глагол и служебные слова. Денумеральные дериваты семантически коррелируют с номинативными единицами - словами и словосочетаниями. В современном языкознании словосочетания рассматривают как номинативные единицы, которые существуют для обозначения соответствующих явлений объективной действительности. Словообразовательная номинация вторичная по своему характеру, поскольку слова, входящие в состав словосочетания, имеют в языке статус средств номинации, но претерпевают переосмысления и используются в новой для них функции - самоорганизации. Формирование смысла нового наименования происходит под непосредственным влиянием содержания исходного наименования, что детерминирует характер отражения действительности в производной номинации, задавая тот или иной ракурс ее рассмотрения и тем самым, опосредуя это изображение [5; 3].

В процессе вторичной косвенной номинации происходит взаимодействие пяти компонентов: действительности; понятийно-языковой формы ее отображения; сигнификата исходного наименования; отнесенности нового смысла к действительности; языковой формы в ее вторичной функции номинации [4].

Наряду с первичным (для непротоформных знаков) и вторичным (для знаков, мотивированных любыми другими языковыми единицами) способами номинации существует еще один тип номинации - третичная но-

минация - для характеристики способа отображения действительности денумеративами, которые образованы в результате вторичной номинации, напр. : англ. - *oncer, four-th-ly*.

Семантика исходных словосочетаний опосредованная значением имеющихся в ее составе морфем, свидетельствует о том, что они являются вторичными образованиями. Основа слов, которая образовалась в результате денумеральной деривации, отсылает к производным словосочетаниям, которые являются знаками вторичной номинации, а, следовательно, как однословные, так и многословные номинативные единицы относятся к знакам третичной номинации.

Главными движущими факторами, которые постоянно влияют на развитие языка, его эволюцию, являются как внеязыковые или внешние, так и внутриязыковые или внутренние факторы. Среди внешних факторов лингвального развития выделяются, прежде всего, социально-исторические, географические, демографические, социолингвистические, культурные и эстетические аспекты [7].

К внутриязыковым факторам влияния на развитие речи большинство ученых относят такие, что обусловлены свойствами определенной языковой системы, среди которых выделяют:

- системную организацию языка, которая базируется на взаимозависимости его элементов;
- тенденции к усложнению, обогащению языковой структуры;

- стремление к ограничению труда лингвальной информации;

- тенденцию к интеграции, которая проявляется одновременно с тенденцией к дифференциации элементов языка;

- принцип экономии языковой энергии, лингвальных средств;

- тенденцию к предпочтению более экспрессивным языковым формам.

Объектом лингвальных изменений выступают все единицы, их отношения, а также правила построения и применения [4; 7; 8].

Денумеральная деривация выступает как один из источников пополнения существующего словаря, указывает на объективные законы развития языка, без которых он (язык) не мог бы в полной мере выполнять свою коммуникативную функцию. Язык не располагает значительным количеством выразительных средств, потому что они ограничены, неполны и недостаточно совершенны. А мышление, в свою очередь, подвижнее и богаче по своему содержанию [8].

Сферой возникновения денумеральных дериватов является преимущественно разговорная, диалектная, профессиональная речь, художественная литература и публицистика, где постоянно существует потребность высказаться коротко, остроумно, не забывая об эмоциях и экспрессии, напр.: англ. - *I'm in the third-to-last car; leaving the station now. A teen-age motorcycle accident had almost cost him an eye. ..., But Midori did not feel like a one-nighter* (Samanta Quinn, p. 213). Такие единицы - средство информационного воздействия, как на интеллектуальное восприятие слушателя, так и на его эмоции, психику, призванные формировать его мировоззренческую позицию. Денумеральная деривация, как источник пополнения словаря, препарируется действием ингерентных законов языка по существующим моделям.

Лексические единицы, как и все другие языковые единицы, обязаны своим рождением и функционированием внеязыковым и внутриязыковым факторам.

Денумеральные дериваты - специфические лексические единицы. В

отличие от регулярного словообразования, фразеологическое словообразования является своеобразным, что обусловлено особенностями структуры и семантики образующих единиц, вторичных по своей природе устойчивых сочетаний слов, семантика которых, как правило, не вытекает из значений отдельных компонентов, а закреплена за всем высказыванием. Изучение словообразования выдвигает много новых аспектов раскрытия природы производного слова.

Семантическая структура денумеральных дериватов отражает становление нумерального корпуса лексики, изобразительную способность языка, адаптивные возможности количественных единиц.

Пополнение словаря является главным законом развития любого языка, без которого он не мог бы выполнять свою коммуникативную функцию. Денумеральная деривация выступает как один из источников его (словаря) пополнения, создавая новые словообразовательные цепочки и гнезда. Денумеральный дериват полностью или частично сохраняет семантику своей исходной единицы, впитывая в себя качественную и оценочную характеристики, выступает признаком словосочетание, напр.: англ. - *two heads* → *two-headed dog*; *three corners* → *three-cornered room*; *five years old* → *five-year-old kid*; *seven storeys* → *seven-storeyed building*.

Экспрессия, яркость и семантическая разноплановость наследуется от исходной единицы и развивается в производной единице.

Reference:

1. Babkin A.M. Russkaja frazeologija, ee razvitie i istochniki [Russian phraseology, its development and sources], A.M. Babkin. - Leningrad., Nauka [Science], 1970. - 263 p.
2. Vinogradov V.V. Russkij jazyk [Russian language]. Grammaticheskoe uchenie o slove [Grammatical teaching about a word], V.V. Vinogradov. - Moskva, Vysshaja shkola [Higher school], 1986. - 639 p.
3. Garmash O.L. Lingvosinergetichnij aspekt rozvitku slovnikovogo fondu

anglijs'koï movi: [monografija] [Linguosynergetic aspect of development of English language dictionary fund: monograph]. O.L. Garmash. - Zaporizhzhja, Zaporiz'kij nacional'nij universitet [Zaporizhja National University], 2011. - 324 p.

4. Levickij A.Je. Sravnitel'naja tipologija russkogo i anglijskogo jazykov: [ucheb. posobie dlja vuzov] [Comparative typology of Russian and English languages: educational textbook for higher education institutions]. A.Je. Levickij, L.L. Slavova. - Zhitomir, ZhGU, 2005. - 204 p.

5. Mokienko V.M. Leksichne i frazeologichne znachennja [Lexical and phraseological meaning], V.M. Mokienko., Movoznavstvo [Linguistics]. - 1988., No. 4., pp. 24-36.

6. Petrov A.V. Komponenty frazem i ih leksicheskie varianty v aspekte slovoobrazovatel'noj derivacii [Components of phraseological units and their lexical varieties in the aspect of the word-formation derivation], A.V. Petrov., Russkaja filologija. Ukrainskij vestnik [Unrainian bulletin. Russian philology]. - 2003., No. 3-4 (24), pp. 12-18.

7. Shanskij N.M. Oчерки po russkomu slovoobrazovaniju [Sketches on Russian word-formation]. N.M. Shanskij. - Moskva, Izd-vo MGU, 1968. - 309 p.

8. Shvachko S.O. Lingvokognitivni aspekti kvantitativnosti: [konspekt lekcij] [Linguocognitive aspects of the quantitativity: lecture notes]. S.O. Shvachko. - Sumi, Sums'kij derzhavnij universitet [Sumy State University], 2011. - 141 p.

Литература:

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. — Л.: Наука, 1970. — 263 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. — 639 с.
3. Гармаш О.Л. Лінгвосинергетичний аспект розвитку словникового фонду англійської мови: [монографія] / О.Л. Гармаш. — Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2011. — 324 с.
4. Левицкий А.Э. Сравнитель-

ная типология русского и английского языков : [учеб. пособие для вузов] / А.Э. Левицкий, Л.Л. Славова. — Житомир: ЖГУ, 2005. — 204 с.

5. Мокієнко В.М. Лексичне і фразеологічне значення / В. М. Мокієнко // Мовознавство. — 1988. — № 4. — С. 24–36.

6. Петров А.В. Компоненты фразем и их лексические варианты в

аспекте словообразовательной деривации / А.В. Петров // Русская филология. Украинский вестник. — 2003. — № 3–4 (24). — С. 12–18.

7. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — 309 с.

8. Швачко С.О. Лінгво-когнітивні аспекти квантитативності:

[к онспект лекцій] / С.О. Швачко. — Суми: Сумський державний університет, 2011. — 141 с.

Information about author:

1. Olha Shumenko - Candidate of Philology, Senior Lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: shuma-81@mail.ru

MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF TERRORISM IN THE BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE OF 2014

O. Zhulavska, Candidate of Philology
A. Piantkovska
Sumy State University, Ukraine

The author's intention is concentrated on means of verbalization of the concept of TERRORISM in the British newspaper discourse. The illustrative material is taken from the British periodicals and newspapers.

Keywords: verbalization, discourse, concept, nomination, terrorism.

Conference participants

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ТЕРРОРИЗМ» В БРИТАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ЗА 2014 ГОД

О. Жулавская, кандидат филологических наук
А. Пянтковская
Сумской государственный университет, Украина

Статья посвящена исследованию средств вербализации концепта ТЕРРОРИЗМ в британском газетном дискурсе. Иллюстративный материал отобран из периодических британских изданий за 2014 год.

Ключевые слова: вербализация, дискурс, концепт, номинация, терроризм.

Участники конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1256>

The relevance of the topic is determined by the fact that this study stands in line with the most popular trend of linguistics. In the limelight of modern linguistics there are topics related to notions involved with other branches of science. This report analyzes the concept of TERRORISM, determines its nature, structure, complexity and means of verbalization of the concept of TERRORISM in the British periodicals and newspapers.

The objective of the article is to study means of verbalization of the concept of TERRORISM in the British newspaper discourse of 2014. To achieve the objective a number of problems is solved in the report. They are: grounding the theoretical-methodological basis of the study, ascertaining a definition of the concept of TERRORISM, clarification of its content and structure, determination and description of peculiarities of the TERRORISM concept verbalization in the British newspaper discourse.

The subject is a concept of TERRORISM verbalized in the modern British newspaper discourse. The object is the means of verbalization of the TERRORISM concept in the British periodicals and newspapers in 2014.

The interest to the study of concepts is steadily growing, and taking into account present socio-political situation in the world, the concept of TERRORISM is one of those concepts that require elaborate study. In order to define the concept of TERRORISM it is necessary to determine what the concept in general is.

Concept is a substantial side of a

word sign, related to a notion connected to mental, spiritual or material spheres of human existence, fixed in the experience of a nation, having historical roots in its life and being relevant to other notions.

V.I. Karasyk gives a number of approaches to the definition of the concept developed by various authors: concept is an idea that includes abstract, concrete-associative and emotional-evaluative features; concept is a personal comprehension, interpretation of objective meaning and notion as a meaningful minimum of meanings; concept is an essence of the notion which is evident as its substantial forms (shape, notion, symbol) [3, p.46].

The scientist emphasizes that the concept can have occurrence even without a special verbal designation. He defines the concept as a cultural unit, expression of the objective content of words which has a meaning and therefore it is transmitted into various spheres of human life, particularly into spheres of conceptual, figurative and active development of the world [2, p.103].

There are no clear boundaries for the concept. Throughout the life of a linguistic society its applicability and intensity of its value may vary. Based on the experience scientists formulated and substantiated such characteristics of the concept as value, insufficiency with consciousness of the carrier, convention, fuzziness, variability and complex structure.

The study is based on the research by M.V. Nikitin who defines concept as a complex gestalt of interconnected

operandi modi. Every modus contains cognitive (objective) and pragmatic (emotional-evaluative) elements. A number of modi is various: it is the result of preparation of accumulated knowledge about the world [4, p.188]. Image plays an important role in the modus structure; it occupies interposition between logical and social ideas which provide movement of a thought from individual to general ideas and vice versa.

Logical notion is formed in the classifying modus as systematizing the experience of comprehension of the phenomenon of terrorism. The function of logical notion of terrorism is systematization of common experience. The formation of logical notion that tends to the scientific definition is a result of goal-directed cognitive activity of a subject of cognition. Logical notion is the most detached from personal evaluation and emotional experience of subject. On the linguistic level logical notion is formed through the interpretation of semantic features of a concept in typical abstract contexts, fixed in dictionaries [1, p. 40].

The common-sense notion of terrorism is actualized through the notion of discourse. Features of the common-sense notion are systematized in the structural modus of a concept. As compared to the classifying modus, structural modus is a more complex way of organization of conceptual features. According to O.I. Morozova in this modus "cognitive act of ordering features of a concept can be complicated with differentiation according to their level of typicality [5, p. 12]". We

also agree with the opinion of M.V. Nikitin who argues that in the identification modus the process of conceptualization is carried out between the extreme points: from the observation to the level of generalized abstractions, and vice versa: from abstractions to the level of concrete images of the individual [6, p. 189]. The common-sense notion serves to systematize individual perceptions of an appropriate content, loaded with emotional-evaluative associations. It is based on the features which a subject will intuitively associate with the corresponding class of contents.

The interrogation about units that reflect the common-sense notion of the concept of terrorism in minds of ordinary people was conducted in the light of the current political situation in Ukraine particularly and in general in the world. Thus we have received a number of naming units forming the synonymic row of the concept of TERRORISM.

The synonymic row of the common-sense notion of TERRORISM includes a number of related notions through which the concept is verbalized, they are: separatism, alarm, fighter, DNR, LNR, ISIL, horror, anarchy, rebel, violence, dismay, sabotage, menace, shelling, bombardment, oppression, threaten, dread.

For better understanding of its common-sense notion the naming units forming the synonymic row of the concept of TERRORISM were analyzed. Webster's Dictionary of the English Language and Oxford Dictionary of English were used for this purpose. We shall give only few examples of these units.

Naming unit terrorism (n) means unauthorized use of violence and intimidation in the pursuit of political aims, according to Webster's Dictionary of the English Language. In the British newspaper discourse it occurs to indicate a movement, aimed to break the established political order with armed attacks, shelling, intimidation, subversion, etc (1). For example: (1) Although the British government warns tourists of a "general threat of terrorism" in Malaysia, Kuching is not listed among the country's dangerous areas on the Foreign office website. (D. T., Aug 5, 2014, p.24).

Notion separatism (n), which is the most often used as the synonym of the terrorism notion means the advocacy

or practice of separation of a certain group of people from a larger body on the basis of ethnicity, religion, or gender (2), according to Oxford Dictionary of English: (2) Ukraine's interim president warned on Tuesday that the country faced a serious threat from separatism amid fears that the Kremlin – deeply unhappy about the revolution in Kiev – may be stoking pro-Russian sentiment in the Crimean peninsula. (G., Feb 25, 2014, p.38).

According to Oxford Dictionary of English the derivative separatist (n)(3) and its synonyms rebel (n) (4), fighter (n) (5) mean correspondently: a member of a group of people who want to form a new country, religion, etc., that is separate from the one they are in now (3); a person or animal that fights, a person who does not easily admit defeat (4); a person who rises in opposition or armed resistance against an established government or leader (5). For example: (3) The An-26 plane was brought down by a missile near the Russian border southeast of Luhansk, the scene of heavy fighting between Ukrainian government forces and pro-Russian separatists. (D.T., Jul 14, 2014, p.17). (4) The fighter appeared to behead British aid worker David Haines, and two US journalists Steven Sotloff and James Foley, in three brutal videos released by the terrorist group calling itself the Islamic State (IS). (Ind., Sep 25, 2014, p.29). (5) A ceasefire between Ukraine and pro-Russian rebels held despite some violence. (Ec., Sep 13th 2014, p.29).

All of the above mentioned nominations in the British newspaper discourse indicate subjects of terrorist acts that, depending on their purposes, make an attempt to separate groups of people or territory (2), or to split an established state system (3), or denote members of radical organizations (4), (5) that are ready for any terrorist activity to achieve their goals or that threat to state security.

Nominations shelling (n) (6) and bombardment (n) (7) according to Oxford Dictionary of English mean correspondently: using of a projectile containing an explosive bursting charge ; bombardment with bullets used with light machine guns (6); a continuous attack with bombs, shells, or other missiles; a continuous flow of questions, criticisms, or information(7). For example: (6) In northern Israel, at least one rocket fired

from Lebanon struck an open area near the town of Metula on Friday, prompting troops to respond with shelling.(Obs., Jul 12, 2014, p.21). (7) The city of Antwerp is being subjected to a bombardment which began, according to reports from Holland, at midnight on Wednesday. (T., Oct 8, 2014, p.7).

These nominations denote means of terrorism, which the subjects of terroristic activity use in order to get their goal, that is, to horror average people.

Nominative units: violence (n) (8), horror (n) (9), anarchy (n) (10) according to Oxford Dictionary of English mean correspondently: the use of physical force to harm someone, to damage property (8); an intense feeling of fear, shock, or disgust as a reaction to the actions of subject (9); a state of disorder due to absence or non-recognition of authority or other controlling systems; absolute freedom of the individual, regarded as a political ideal (10); and according to the Webster's Dictionary of the English Language: the unlawful exercise of physical force or intimidation by the exhibition of such force (8); an extreme state of depression (9); absence or denial of any authority or established order (10). For example: (8) Fresh violence flared in Pakistan's troubled northwest tribal areas yesterday after at least nine members of the security forces were killed in two gun and bomb attacks. (T., Jul 19, 2014, p.37). (9) Australians have reacted with horror to images posted by a jihadist from Sydney that purport to show his seven-year-old son holding up the severed head of a Syrian victim. (T., Aug 11, 2014, p.21). (10) The behavior of these protesters is illegal, extremely unreasonable and inhumane, and is even worse than that of radical social activists and almost complete anarchy. (G., Oct 2, 2014, p.17).

The nominations, given above, denote the state of people in the country or the absence of any order in the country after the subjects of terrorism conduct their terroristic acts.

Unfortunately, due to the limited size of the report we do not give characteristics of all nominations, received through the conducted experiment. They can be referred to the future prospects of research.

In conclusion, it may be said that having analyzed notions, through which the concept is verbalized in the British

newspaper discourse, it can be noted that the concept of TERRORISM refers to ethnic, political and social motivated concepts, and although it was formed in the political discourse, today it occurs regularly in the newspaper discourse.

References:

1. Zhulavs'ka O.O. Vznachennja ta struktura konceptu «Terorizm» [Definition and the structure of "the terrorism" concept]. Zhulavs'ka O.O. Filologichni traktati [Philological treatises]. – 2013., Vol. 5, No. 2., pp. 38-42

2. Karasik V.I. Jetnospecificheskie koncepty [Ethnospecific concepts]. V.I. Karasik Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku: uchebnoe posobie [Introduction to cognitive linguistics: educational textbook]. Editor M.V. Pimenova. – Kemerovo., Grafika [Graphics], 2004. – 206 p.

3. Lihachev D.S. Konceptosfera rus'kogo jazika [Conceptosphere of the Russian language]., D.S. Lihachev Russkaja slovesnost': Antologija [Russian literature: Anthology]. – Moskva., Academia [Academy], 1997., pp. 28-37

4. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe posobie [Cognitive linguistics: educational textbook]., Maslova V.A. – Minsk., TetraSistems, 2004. – 256 p.

5. Morozova O.I. Lingval'ni aspekti nepravdi jak kognitivno-komunikativnogo utvorennya: avtoref. dis. na zdobuttja nauk. stupnja doktora filol. nauk: spec. 10.02.04 [Lingual aspects of lies as a cognitive and communicative formation:

abstract of thesis for the Doctor's degree in Philology]., «Germans'ki movi» ["German languages"] O.I. Morozova. – Kyiv., 2008. – 32 p.

6. Nikitin M.V. Osnovanija kognitivnoj semantiki [ucheb. posobie] [Grounds of cognitive semantics [educational textbook]]., M.V. Nikitin. – St. Petersburg., Izd-vo RGPU im. A.N. Gercena, 2003. – 277p.

7. The Oxford Dictionary of English Language. Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com/> <http://dx.doi.org/10.1093/acref/9780199571123.001.0001>

8. Webster's New World College Dictionary. Access mode: <http://www.merriam-webster.com/> <http://dx.doi.org/10.1108/09504120510632705>

9. D.T. = The Daily Telegraph. Access mode: <http://www.telegraph.co.uk/>

10. Ec. = The Economist. Access mode: <http://www.economist.com/>

11. G. = The Guardian. Access mode: <http://www.theguardian.com/uk>

12. Ind. = The Independent. Access mode: <http://www.independent.co.uk/>

13. M. = The Mirror. URL: <http://www.independent.co.uk/>

14. Obs. = The Observer. Access mode: <http://observer.theguardian.com/>

15. T. = The Times. Access mode: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>

Литература:

1. Жулавська О.О. Визначення та структура концепту «Тероризм» / Жулавська О.О. // Філологічні

трактати. – 2013. – Т.5, №2. – С. 38-42

2. Карасик В.И. Этноспецифические концепты / В.И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие/Отв. редактор М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 206 с.

3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология. –М.: Academia, 1997. – С.28-37

4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие/ Маслова В.А. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

5. Морозова О.И. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення: автореф. дис.. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук: спец. 10.02.04. «Германські мови» / О.И. Морозова. – К. 2008. – 32 с.

6. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики [учеб. пособие] / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.Н. Герцена, 2003. – 277с.

7. The Oxford Dictionary of English Language. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> <http://dx.doi.org/10.1093/acref/9780199571123.001.0001>

8. Webster's New World College Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/> <http://dx.doi.org/10.1108/09504120510632705>

9. D.T. = The Daily Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/>

10. Ec. = The Economist. URL: <http://www.economist.com/>

11. G. = The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/uk>

12. Ind. = The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/>

13. M. = The Mirror. URL: <http://www.independent.co.uk/>

14. Obs. = The Observer. URL: <http://observer.theguardian.com/>

15. T. = The Times. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>

Information about authors:

1. Olha Zhulavska - Candidate of Philology, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: zulenka@rambler.ru

2. Anna Piantkovska - Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: zulenka@rambler.ru

EXPRESSIVENESS OF BLURBS: SYNTACTIC LEVEL

I. Kobyakova, Candidate of Philology, Head of a Chair
G. Chulanova, Candidate of Philology, Associate Professor
Sumy State University, Ukraine

The article deals with the anthology of a blurb. Items of its surface and deep structure are considered in detail. The article singles out and analyzes the range of non-verbal means, which promote the advertising impact on the addressee. Herewith much attention is given to the peculiarities of dominant stylistic techniques used in this type of discourse.

Keywords: blurbs, creolized text, surface and deep structure, non-verbal components, regulative function.

Conference participants, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1257>

One of the forms of reflection of reality and its cognition is emotions. Human emotions are special mental processes connected with instincts, needs and motivations which are manifested in the form of direct (immediate) experience and are associated with satisfaction (positive emotions) or dissatisfaction (negative emotions) of different needs. Positive emotions are more common for the human beings, because people tend to think positively by their nature. Positive emotions influence human beings on the subconscious level and acutely reduce “the barrier of mistrust” to everything new. Advertising is urged to incite positive emotions, which in turn facilitates creation of positive attitude to the advertised product. Under the influence of positive emotions recipient interprets information which is conveyed in the advertising message in favor of the advertiser. Advertising sells emotions for the attention. Pragmatism of blurbs is seen as the main feature determining all other features. Unlike many other texts, the value of communication in blurbs is determined exclusively by its perlocutionary effect, leading to the bottom line: purchasing an advertised book [4, p.154].

The object of the article is a blurb as a kind of advertising text, the aim of which is to make the recipient perform a certain act – to purchase a product (in our case – the book). *The subject* is syntactic constructions which represent various readers’ emotions. *The topicality* is determined by the correspondence of the topic to the modern linguistic researches related to the study of expression of emotions in language and speech. *The aim* of this research is to study syntactical expressive means helping to realize emotions in blurbs. This purpose has predetermined the solution of such tasks as: 1) to identify the specifics

of the notion “expressiveness”, and 2) to analyze the syntactical means of expressing emotions in blurbs.

Verbal aspect of blurbs is objectified by the psychological, linguistic factors and the translator’s task. The process of transformation of results in creating the linguocultural equality of the text. The translating is assumed to be both interlingual and intercultural [5, p. 32]. Emotional-expressive marker is peculiar to the human psyche. The aim of blurbs is to influence the reader. It leads to the usage of expressive linguistic means and stylistic devices.

Expressiveness is the notion heterogeneously defined in dictionaries, reference books and special literature. Expressiveness is the objectively existing properties of linguistic means aimed at improvement of pragmatic potential of the statements, and intensive influence on the reader’s perception by stirring up certain intellectual or emotional reaction [2, p. 193]. It is the specific atmosphere of the statement that is created by the functioning of a certain range of expressive linguistic means. It is text’s property - to convey meaning with increased intensity, expressing the internal state of the speaker. It is a set of semantic and stylistic features of language unit which ensure its ability to act in communication as a mechanism of subjective expression of the speaker’s attitude to the content or the recipient of speech. It is intentional impact on the recipient in terms of impressive power of statements, its aesthetic characterization [1, p. 121].

On the basis of definitions of expressiveness given by different researchers we can define this category as a set of features of language / speech units, as well as text, by which sender

expresses his subjective attitude to the content or addressee. Text expressiveness is determined by the addresser’s intentions and thesaurus as well as linguistic and extralinguistic factors. It is the retention of the receiver’s attention, the increase of reflection, the emergence of emotions and feelings.

Linguistic mechanism of expressiveness is the derogation from speech standards, norms, and linguistic stereotypes [6, p. 176]. Means of creating expressiveness may be grouped under the general term of foregrounding. Foregrounding keeps the reader’s attention on certain parts of the text and helps to estimate their relative importance. Expressiveness as language category touches all spheres of language but in the modern linguistics the study of expressiveness as a syntactic category becomes more and more important.

Syntactic level has great potential to express the emotional nuances of speech. Under the term emotional syntax one should understand special structural formations aimed not only at transmitting basic content of the message, but also subjective-estimative, emotionally coloured attitude of the speaker towards the object of thoughts [3, p. 130]. The present study of emotional constructions, limited by the scope of evocative sentences, is conducted on several levels in accordance with: 1) the purpose of the utterance (declarative, interrogative, imperative sentences and their types); 2) emotional coloring (exclamatory sentences); 3) the number of predicative centers (simple and complex sentences) and the number of syntactic positions of the grammatical kernel (one-word, two-word, elliptical, incomplete sentences); 4) word order (inversion); 5) the status of “arranged” expressive means (repetition); expletive and conjunctive

constructions (addressing, parceling, parenthesis); 7) emotional intonation through punctuation.

In accordance with the purpose of the utterance it is accepted to distinguish declarative, interrogative and imperative sentences. Declarative sentences implicate the message of an event, a phenomenon, the fact of reality. They are the most common in blurbs. Declarative sentences can convey a range of different emotions (pleasure, delight, enjoyment, outrage, anger, etc.): *"The Tulip Girl Margaret Dickinson's captivating new Lincolnshire saga about the endurance of true love in the face of adversity"* – Booklist; *"Doerr is a marvelous writer. Her observations are clear-sighted, her writing spare but graceful, and she creates telling images... A wonderful book"* – Publishers Weekly.

Expressiveness can also be manifested through negation. In general negative sentences are used much more rarely than affirmative ones, and their usage is especially informative: *"Fans won't be disappointed... Doss pulls together an archeological dig, abandoned children, and a good, old-fashioned murder to pull off his latest success."* – Chicago Tribune.

On the expressiveness of negation the figure of speech called litotes is based. It is a combination of the negative particle "not" and a word with negative meaning or a negative prefix: *"It's impossible not to get scared when reading it."* – John Maslin, The New York Times; *"It's not unlikely that when you finish this book, late at night, you'll double-lock your door."* – Chicago Sun-times.

Declarative sentences may have additional meaning due to the mobility of the boundaries of communicative types of utterances in the context. Thus, the following types of declarative sentences are distinguished:

1. Narrative interrogative sentence. The sentence here is a semi-question: *"I honestly didn't care where this book was going or if it would take forever to get there. Phillip Persinger you are a genius. Math and romance have never been more fun."* – John Lehman. The interlocutor is offered to confirm or refute the author's opinion.

2. Narrative imperative sentence, which realizes the meaning of a request, invitation or a call to action: *"You must*

forget, Joanna, Matilda is dead. Let her rest...Barbara Erskine can make us the cold, smell the filth, and experience some of the fear of the power of evil man" – The Times.

Also, we have found several examples of imperative sentences. *"Plan ahead before you read this buzz-saw of a novel... Once you start you will finish"* – Booklist; *"Watch the effect of the first hundred pages on your own children. If they want no more, send for a doctor."* – Daily Telegraph; *"Don't ever begin a Ludlum novel if you have to go to work the next day"* – Chicago Sun-Times. Although the imperative sentences convey a gamut of emotions (in our case we have the expression of sympathy and as a result – easy prompting, advice), many psychologists argue, that we should not use such sentences often, because it is known that the force of action is equal to the force of counteraction. Any purposeful influence on the psyche leads to the infringement of self-determinism (under "self-determinism" we mean independent decision making), limitation of cognitive abilities of the person, and even causes the blockage of certain brain sections as the result of the suggestions made. Advertising discourse should only cause the desire to act, and the addressee should make a decision himself. The use of imperative mood in argumentation is associated with a negative evaluation, negative emotions, a claim on the "aura" of personality and one's living space. Therefore, it is desirable to avoid the usage of imperative sentences in blurbs.

The analysis shows that the interrogative form can express the emotional intention in the appropriate situation. We distinguish the following types of interrogative sentences:

1. Interrogative-declarative sentences, expressing surprise, irony or even sarcasm, which are divided into: a) interrogative-affirmative sentences: *"You doubt this book will blow you away? Oh, you really better not to ..."* – Detroit Free Press. Direct word order indicates that the author of the blurb guesses what could be the answer. Transposition, that is the direct word order in questions imbues them with irony and even sarcasm: *"You really think you'll be able to fall asleep after you've read this book?"* – Mostly Murder.

2. Interrogative-declarative sentences,

containing a denial of what is asked. They only partially fulfill a communicative function of the information request. The intention to express the personal emotional attitude to the subject under the discussion comes in front here: *"It is success! You don't think any book could carry you away that much? Just read any 3 pages ... And I am sure it will intrigue you!"* – Time. In this example, the proposal for the interlocutor to refute the given assumption is realized.

3. Interrogative-rhetorical sentences used in blurbs are driven by the desire of the author to express the attitude to the statement or to have an emotional impact on the recipient. In rhetorical questions the emotional aspect dominates over the logical message. The functions of the rhetorical question are: to attract attention, to reinforce the impression, to increase an emotional tone, to create an elation: *"What drives us crazy? What brings us joy? What makes us human? In this marvelous new collection, Andy Rooney explores today's most pressing issues ..."; "Ken Follet is one of the smoothes suspense writers around. Can you name better one?"* – The Times. The answers in the given rhetorical questions are already prompted. These questions only involve the reader in the reasoning or emotional experience, allegedly making him to make a conclusion.

In the last example, together with the interrogative-rhetorical sentences an exclamatory sentence is also used. Its main task is to draw attention to the content of the statement, to express the feelings of the addresser and to influence the feelings of the addressee: *"The Read of the year! Ludlum grabs you by the throat... intense suspense"* – Boston HeraldAdvertiser; *"I picked up this book because I've liked the previous novels! But this is even better!!! Can't wait for the next!!!!"* Though, the exclamatory sentences are extremely emotional, they rarely occur in blurbs.

In accordance with the word order we distinguish inversion as the emotional syntactic construction. The word order is one of the means of focusing the addressee's attention on certain elements of the statement. The cyclic evolution of investigated units is vivid in the process of lexicalization and gramaticalization on their epidigmatic vectors [7].

The word order is objectified by the semantic aspect of the text. Direct word order is stylistically neutral, the inverted one – stylistically significant. Changing of the word order is subordinated to certain rules:

1. Predicative complement, expressed by noun or adjective, may precede the subject and linking-verb: *“Bizarre, bloody, swift and captivating this story is.”* – *Sunday Oklahoman*;

2. Direct object may be put on the first place with the purpose of emphasis: *“Its innermost secrets the thriller holds to the very end.”* – *New York Reader*;

3. Attribute, expressed by the adjective or several adjectives, gives the statement solemn, somewhat archaic, upbeat nature when it is at end of the sentence: *“Nobody lives forever” is the most realistic story about cops and killers ever, truthful, accurate.*” – *John Katzenbach, author of “The Shadow Man”*;

4. Adverbials, which are put forward onto the first place, not only are accentuated themselves, but also accentuate the subject, which in this case is put forward onto the last place, which is also the emphatic position: *“Among all the suspense products stands out the suspense of Tami Hoag.”* – *John Saul, author of “The Homing”*. Imposing a simple lexical repetition on an inversion amplifies emotions caused by this blurb.

Repetition is a typical sign of the emotional speech, which has the function of amplifying and distinguishing. Repetition is seen as a way to fix the attention, as a special deterministic element capable to modify the initial model. Repetition is characterized by significant pragmatic potential, which lies in emphatic accentuation of subjectively important information: *“The Master Butchers Singing Club can surely be cast at the most wrenching and wise of Erdrich’s nine novels. Its characters and lyrical images resonate like a conscious heat, beating quiet paeans to men who have soldiered, survived, or died, to women who keep a pilot light of civilization burning in the kitchen, and to daughters who, working every emotional minute, will never free their houses of the dead.”* – *Miami Herald*. We use the repetitions in blurbs because of their ability to focus and

keep attention of the addressee on the most important information and to give the expressiveness, emotionality and dynamism to the text. This contributes to achievement of the manipulative effect.

Expressiveness as the common language category covers all areas of language, and its arsenal of expressive means is infinite. From the prospects of further studies of expressiveness, we can point to a detailed description of the arsenal of expressive means at each language level.

References:

1. Pisarev D.S. 2003. Funkcionirovanie vosklicatel’nyh predlozhenij v sovremennom francuzskom jazyke i ih pragmaticheskij aspekt [Functioning of exclamatory sentences in modern French and their pragmatical aspect]. Pragmaticheskie aspekty funkcionirovanija jazyka [Pragmatical aspects of language functioning]. – Barnaul, Izd-vo AGU, 2003. – 324 p.

2. Chajkovskij R.R. 1991. Obshhaja lingvostilisticheskaja kategorija jekspressivnosti i jekspressivnost’ sintaksisa [General lingvostylistic category of expressivity and expressivity of the syntax]., Uchenye zapiski [Scientific notes]., MGPIIJa im. M. Tereza., Vol. 64., Voprosy romano-germanskoj filologii [Issues of Romano-Germanic philology]. – Moskva., 1991., pp. 192 – 195.

3. Aarts B. 2001. English Syntax and Argumentation. B. Aarts., 2 edition. – New York., Palgrave, 2001. – 312 p. <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-349-25589-4>

4. Chulanova G.V. 2014. Blurbs vs eReader reviews. G.V. Chulanova, L.V. Schyglo, O.O. Zhulavska, O.V. Nazarenko., British Journal of Science, Education and Culture, 2014., No. 1. (5) (January-June)., Volume I. “London University Press”. – London., 2014., pp. 152-156

5. Kobyakova I.K. 2013. Verbalization of humorous texts. I.K. Kobyakova In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference

and I stage of the Championship in philological sciences. (March 28-April 02, 2013) – London., IASHE, 2013., pp. 31-32

6. Kpolugbo S.N. 2006. The Language of Advertising. S. N. Kpolugbo, R. A. Masagbor An Encyclopedia of the Arts. – 2006. – Vol. 4 (3). – Pp. 175–188.

7. Shumenko Olha, Shvachko Svitlana, Kuprienko Evgeniy 2014. Polyfunctionality of the english quantitative words. (2014-10-09 12:00:00 - 2014-10-14 18:00:00) Problems of combination of individualization and unification in language systems within modern communicative trends - London, IASHE, 2014. <http://gisap.eu/node/55545>., Access mode: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.913>

Литература:

1. Писарев Д.С. 2003. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект // Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – 324с.

2. Чайковский Р.Р. 1991. Общая лингвостилистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса. // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тереза. Т. 64. Вопросы романо-германской филологии. – М., 1991. – С. 192 – 195.

3. Aarts B. 2001. English Syntax and Argumentation / B. Aarts. – [2 edition]. – New York : Palgrave, 2001. – 312 p. <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-349-25589-4>

4. Chulanova G.V. 2014. Blurbs vs eReader reviews / G.V. Chulanova, L.V. Schyglo, O.O. Zhulavska, O.V. Nazarenko // British Journal of Science, Education and Culture, 2014, No.1. (5) (January-June). Volume I. “London University Press”. - London, 2014. – P. 152-156

5. Kobyakova I.K. 2013. Verbalization of humorous texts / I.K. Kobyakova // In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference and I stage

of the Championship in philological sciences. (March 28-April 02, 2013)- London: IASHE, 2013. - P. 31-32

6. Kpolugbo S.N. 2006. The Language of Advertising / S. N. Kpolugbo, R. A. Masagbor // An Encyclopedia of the Arts. – 2006. – Vol. 4 (3). – P. 175–188.

7. Shumenko Olha, Shvachko Svitlana, Kuprienko Evgeniy 2014. POLYFUNCTIONALITY OF THE

ENGLISH QUANTITATIVE WORDS // (2014-10-09 12:00:00 - 2014-10-14 18:00:00) PROBLEMS OF COMBINATION OF INDIVIDUALIZATION AND UNIFICATION IN LANGUAGE SYSTEMS WITHIN MODERN COMMUNICATIVE TRENDS -London: IASHE, 2014. <http://gisap.eu/node/55545> <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.913>

Information about authors:

1. Iryna Kobyakova – Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

2. Galina Chulanova - Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: g_chulanova@mail.ru

THE ROLE OF DEIXIS IN THE GROTESQUE GENESIS (ON WORKS OF W. GOMBROWICH)

D. Hamze, Assistant

Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria

Deictic markers play a leading role both as catalysts and semantic nuclei in the genesis of grotesque in the works of W. Gombrowicz, so much domineered by grotesque. They focus the grotesque image, giving it centripetal and sublimated, yet panoramic nature. They make it plastic, palpable and real. Using these diverse operators, the representative meaning-related and aesthetic function of deixis is complemented by other functions that enrich the functional range of the category in the grotesque zone.

Keywords: deixis, grotesque, semantics, cognitive perspective, functionality, communication.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

РОЛЬ ДЕЙКСИСА В ГРОТЕСКОГЕНЕЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В. ГОМБРОВИЧА)

Хамзе Д.Г., ассистент

Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария

В доминированном гротеском творчестве Витольда Гомбровича дейктические маркеры играют ведущую роль как катализаторы и вместе с тем как семантические ядра в гротескогенезе. Они фокусируют гротескное изображение, придавая ему как центристский и сублимативный, так и панорамный характер; делают это пластичным, осязаемым и рельефным. С помощью разнообразных операторов репрезентативная смыслово-эстетическая функция дейксиса дополняется другими функциями, обогащающими функциональный диапазон категории в гротескной зоне.

Ключевые слова: дейксис, гротеск, семантика, когнитивная перспектива, функциональность, коммуникация

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1258>

Категория дейксиса – столь привлекающий, столь и ускользающий объект исследования, обладающий скорее неустойчивыми, чем неустойчивыми границами. Эта неустойчивость лишь на первый взгляд кажется обескураживающей для исследователей; на самом деле она представляет собой довольно точный ориентир для направления и внушительной масштабности будущих научных поисков. Многоаспектный, неоднозначный и часто процессуальный характер дейктика, а также его „растяжимая“, вариативная, трансформативная и модулирующая природа превращают его в весьма сложную и проблемную область для исследования. Бесспорные прямые экспоненты категории – указательные и личные местоимения часто „затмевают“ обширные зоны ее многоликой и динамической структуры. Важным шагом вперед в зондировании этой территории является, безусловно, когнитивная перспектива исследования, которая автоматически обязывает дейксис с категориями времени, вида, модальности и оттеняет его одновременно как отправной пункт, опорный столб („координатная система“) и результат, как в процессе устной ком-

муникации, так и в литературном дискурсе.

1.0. Семантико-прагматические параметры дейксиса.

Дейктические слова не лишены значения, как утверждают многие исследователи; их имманентная и представительная функция – референциальная, не исключает их смысловую консистентность, не делает их асемантическими, а скорее выделяет их как смыслопорождающие и смыслокоординирующие. Референциальная функция – ориентационно-семантическая директива. Помимо того, дейкторы прецизируют и прагматизируют семантику высказывания. Перемещение зрительного угла в сторону прагматики поднимает важность категории значения на более высокий уровень, увеличивает его ценность и нюансированность, а роль дейксиса как *par excellence* прагматическая величина в этом процессе ключевая. В этом смысле дейкторы можно рассматривать как маркеры „значения значения“ [выражение Дж. Холита по Димитровой 2009: 40], т.е. грамматики значения. Заметна их заслуга в толковании высказываний как неделимой части прагматической ситуации и коммуникативных целей речевого акта. В этой

последовательности рассуждений – и важное наблюдение Н. Арутюновой и Е. Падушевой, приведенное Ст. Димитровой в ее монографическом труде *Лингвистическая прагматика*: „Прагматизация значения оформляется с помощью материала, включающего контекстно чувствительные языковые элементы, и в первую очередь – слова, лишённые устойчивого дескриптивного содержания. И если оценочные слова демонстрируют определённый максимум контекстной зависимости, то другой максимум реализуется в дейксисе и дейктических компонентах лексического и грамматического значений.“ [по Димитровой 2009: 40].

Эта констатация столь убедительна, столь и стилизованно-условна. Принципиально слабая связь дейктических функторов с контекстом, проявляющаяся скорее всего в абстрактном плане, не лишает их „весомости“ значения, а оттеняет их значимую роль в семантической организации высказывания как отражение мультимодального поликодового гипертекста¹ (термин Александры Залевской), который представляет как отдельное слово в качестве своего экстракта, так и речевой акт в целом. Субкатегории комического

¹ Русский исследователь рассматривает значение слова в человеческом лексиконе в психолингвистическом аспекте, как результат его включения во внутренний контекст живого поликодового гипертекста – мультимодального продукта переработки разнообразного познавательного опыта и общения, который формируется и функционирует как самоорганизующаяся многостепенная динамическая система кодов и кодовых переходов. Необходимость учитывания (на разных уровнях осознанности) более или менее развернутой сети эмоционально-оценочно маркированных исходных знаний и переживаний, регулируется нуждами конкретной ситуации естественно-го семиозиса и осуществляется посредством множества признаков различных модальностей. [Залевская 2012].

(ирония, пародия, гротеск), и в частности гротеск, как наиболее пластическая и визуально-осязаемая дейк-тема², являются убедительной иллюстрацией этого наблюдения. Оказывается (как мы попробуем доказать дальше в изложении), что дейкторы обладают сущностной контексто-фиксирующей, контекстомоделирующей и контекстофузивной (контекстосвязывающей, контекстоспаивающей) ролью, а приведенная выше цитата русских исследователей (Н. Арутюновой и Е. Падучевой) только частично совпадает с нашей точкой зрения – лишь в том смысле, что связь между дейксом и значением оказывается бесспорным фактом. Что касается противопоставления дейкторов и оценочных слов, мы не считаем, что оно оправдано, ввиду, например, того обстоятельства, что один из наиболее мощных операторов реляционного дейксиса – это модальность – категория, обладающая наивысшей степенью оценочности, а также – проистекающая из нее вербальная аксиологическая селекция. Подтверждением нашего тезиса может послужить гротеск как яркая оценочная дейктема.

1.1. Литературная коммуникация в дейктической перспективе

Сужение функционального ресурса дейктика до идентификации (индексации) и дифференциации (обособления, разграничения) объекта чувствительно редуцирует его семантико-регулятивный потенциал, который может быть раскрыт и развернут полностью только в коммуникативной сфере, благодаря распознавательной-декодирующей и воссоздающей интервенции адресата (респективно читателя). Это вмешательство – плод усиленной когнитивной деятельности.

Литературная коммуникативная платформа, чьими яркими репрезентантами являются субкатегории комического, предлагает большие рецептивные возможности, именно благодаря их дейктическим квалификантам. Смысловое структурирование текста как архитектура узловыми

дейктическими звеньями является следствием пополнения свободных пространств между словами элементами нашего жизненного опыта и знаний. Исследуя когнитивный дейксис, П. Стоквелл дает удачное определение категории: „Способность языка закоривать смысл в контексте названия **дейксисом** (гр. *дейксис* „проявление, обнаруживание”). Тексты можно рассматривать с точки зрения употребленных в них дейктических средств.” [Stockwell 2006: 61]. Английский специалист подчеркивает, что дейксис исключительно важен для воплощенной перцепции, а когнитивные науки, со своей стороны, предлагают новое, когезивное решение. [Stockwell 2006: 61–62]. Дейктические маркеры в художественном тексте делают возможными воссоздание и внутреннюю координацию ролевого спектра, распределенного между А и Ч³. Автор объединяет следующие дейктические роли: собственную свою роль индивидуального творца, роль субъекта творческих операций, роль внутреннего автора, роль рассказчика и роль конкретного героя (респективно героев), в которую (которые) он перевоплощается. Читатель, со своей стороны, является фокусом следующих ролевых функций: индивидуального реципиента, идеального Ч, виртуального Ч, адресата наррации и героя (респективно героев), в которого (которых) перевоплощается. Дейктическая координатная система в художественном произведении, актуализированная и воспроизводимая Ч не только в его собственной зоне, но и в зоне его коммуникативного партнера – А, обеспечивает интегративное и интерактивное взаимодействие упомянутых ролей, их динамическое сцепление (конгруенцию), их бесконфликтное (гармоничное) сожительство, в результате которого Ч генерирует и регенерирует смысловую целостность и когерентность текста. Эти корреляции, основанные на дейксисе, гарантируют успех речевого литературного мегаакта. В свою очередь, каждая из упомянутых ролей, как отмечает П. Стоквелл, мо-

жет быть описываема и прослеживаема посредством дейксиса. Гротеск как „пульсирующая” мегадейктема, идентифицированная Ч, вызывает его эстетическое „всасывание” и игровое „телепортирование” в зону А, где Ч начинает функционировать временно как со-автор. Философско-эстетический дейксис, как часть гротескной конституции, превращает гротеск из контекстовой детерминанты в эволютивно-экстратекуальную категорию. Благодаря нашей способности к **дейктическому проектированию**, мы можем перемещать дейктический центр и принимать разные субъективные роли, т.е., менять свои роли.

1.2. Дейктические подкатегории в литературе

По отношению к литературному контексту П. Стоквелл выделяет следующие дейктические подкатегории:

1. *перцептивный дейксис* – охватывает выражения, относящиеся к участникам в тексте в их качестве воспринимающих субъектов. Они иллюстрируют их ментальную репрезентацию и очерчивают территорию социально маркированного речевого акта. Сюда примыкают личные „ja/mnie/ty/oni/ono” („я/меня/ты/они/оно”) и указательные „ci/te/tamci/tamte” („эти (род мужско-личный)/эти (род женско-предметный)/они (род мужско-личный)/они (род женско-предметный)”) местоимения, определительный член „the man” и определительная референция „Bob Taylor”, а также интеллектуальные состояния „myślenie/przypuszczenie” („мышление/предположение”).

2. *пространственный дейксис* – охватывает выражения, позиционирующие дейктический центр в каком-то месте (сюда примыкают адвербиальные местоимения и наречия „tu/tam” („тут/там”), „blisko/daleko” („близко/далеко), обстоятельства места „w dolinie” („в долине”), „z wysokiego zamku” („из высокого замка”), указательные местоимения „to/tamto” („это/то), глаголы движения „przysięć/pójść”, „przynieść/zabrać” („принести/пойти”, „принести/отнести”).

2 Наше терминологическое предложение для обозначения указывающей единицы как эмблематического представителя категории дейксиса.

3 Для удобства будем использовать только инициалы А и Ч соответственно для автора и читателя.

3. *темпоральный дейксис* – выражения, ситуирующие дейктический центр во времени (сюда примыкают наречия „dzisiaj/wczoraj/jutro/wkrótce/różniej” („сегодня/вчера/завтра/скоро/позже), обстоятельства времени „za mojej młodości” („когда я бы молод”), „po trzech tygodniach” („на три недели позже”) и в первую очередь грамматические категории времени и вида глагола, которые разграничивают „сейчас говорящего”, „сейчас фабулы” и „сейчас воспринимающего”).

4. *реляционный дейксис* – выражения, кодирующие общественную перспективу, а также соотношение между авторами, нарраторами, героями и читателями. Сюда попадают модальность, ракурсы точки зрения, различные виды титулования и формы вежливости.

5. *текстовый дейксис* – выражения, выводящие на передний план текстуальность: заглавия глав, деление на абзацы, отсылки к другим частям текста, привлечение внимания к самому тексту или к творческому акту его сотворения, обращения к Ч и т.д.

6. *композиционный дейксис* – аспекты текста, выделяющие жанровый тип или литературные компетенции, доступные для Ч с определенной степенью ознакомленности. Стилистический подбор кодирует дейктические отношения между А и Ч данной литературы [Stockwell 2006: 68–69].

Мы возразили бы только по отношению к термину *пространственный дейксис* как маркеру субкатегории, поскольку он дублирует обозначение инварианта: исконная семантическая квалификанта дейксиса – это пространственность во всех ее „перевоплощениях”.

Так как литературный дейктик воссоздается и активизируется („начинает работать”) благодаря читательской оперативности (она идентифицирует и актуализирует авторский дейксис и наряду с этим соизмеряет свою индивидуальную позицию относительно заданных дейктических координат, создавая и свой собственный дейктический центр), роль Ч в дейктическом структурировании ключевая. Его способность к дейктической созидательности предопределяет его креативные функции. В этом ходе размышлений

исключительно ценно наблюдение П. Стоквелла: „Ponieważ występowanie wyrażen deiktycznych jest uzależnione kontekstowo, lektura tekstu literackiego wymaga tworzenia kontekstu, który pozwala śledzić punkty zakotwiczenia deiksy. Czytanie jest twórcze właśnie ze względu na to posługiwanie się tekstem do budowy dostępnego poznawczo świata, a proces ten ma charakter dynamiczny i zmienny. (Поскольку появление дейктических выражений контекстово обусловлено, чтение литературного текста требует создания контекста, который позволяет проследить заякоривающие звенья дейксиса. Чтение – творческое занятие, как раз из-за возможности использовать текст для созидания доступного для нас в познавательном отношении мира, а у этого процесса динамический и изменчивый характер) [Stockwell 2006: 69].

1.3. Дейктическая транспозиция

Как метко отмечает П. Стоквелл, серьезная дискуссия относительно дейксиса немислива без темы **познания**. Для этой цели английский ученый привлекает теорию о дейктическом переносе (TPD – teoria przesunięcia deiktycznego) (ТДП – теория дейктического переноса), чье основное преимущество заключается в том, что сосредоточивает внимание на дейктической проекции в ее качестве познавательного процесса (Stockwell 2006: 70). Занятие познавательной позиции со стороны Ч в сотворенном фикциональном мире текста – дейктическая транспозиция (наше терминологическое предложение), позволяющая ему проектировать дейктические выражения относительно перемещенного дейктического центра. Так Читатель получает возможность следить за текстом с позиции и героев, и нарратора. Таким образом он может создавать разнообразные контексты, интерпретируя дейктические маркеры с разных точек зрения. Идея перемещенного дейктического центра, как отмечает П. Стоквелл, имеет целью выяснить явление перцепции и обеспечить сцепление литературного текста. Ученый констатирует: „Kluczowe zagadnienia badawcze TPD to sposób budowania centrum deiktycznego przez autora, sposób identyfikowania tego centrum w poznawczym rozumieniu organizacji

tekstu oraz sposób przesuwania i dynamicznego użycia centrum w procesie lektury.” (Ключевая исследовательская проблема ТДП – способ созидания дейктического центра автором, способ идентификации этого центра в познавательном понимании организации текста, а также способ перемещения и динамического использования центра в процессе чтения.) [Stockwell 2006: 70].

1.4. Дейксис, понимание и интерпретация

Восприятие и понимание дейксиса обусловлены главным образом его пространственно-наглядным характером. Он выделяется особенно рельефно в гротескной образности, сочетающей удивительным интеллектуально-эстетическим образом сенсорный и духовный пласты в языке, демонстрирует их взаимное проникновение. В *Язык. Философия символических форм* / Е. Кассирер говорит: „Как в теории познания, так и в рассмотрении языка трудно можно провести строгую границу между областью сенсорного и областью интеллектуального [...]”. [Кассирер 1998: 166]. Немецкий философ принимает слова Канта, что понятия без наглядных примеров пусты, и убежден, что это распространяется с не меньшей силой и на языковое обозначение. [Кассирер 1998: 166].

Метафорическая передача духовных определений с помощью пространственных представляет метафору как дейктическую сублимацию и трансценденцию, как иллюстрацию союза между сенсорным и духовным.

Дейксис в гротескной образности литературного текста одновременно прото- и парарациональный феномен, стимулирующий потенциальную готовность Ч к восприятию. Гротеск напоминает дейктическую секвенцию, чья отправная точка – чисто соматический опыт, который, однако, не лишен духовного измерения, осязаемого как акт указания еще в первых простых звуках, впитавших новую энергию сознания, далеко превосходящую простое ощущение, на которое способно и животное, по словам Е. Кассирера [Кассирер 1998: 171]. Дальше развитие эволютивной линии гротеска, подобно указательным местоимениям, словно следует за ходом „изначальных мыслей” об языковом

строительстве, устремленных к восстановлению первичной омнигармонии (вселенской гармонии) и неврежденного космического интегритета. И наконец, дейктический центр смещается по вертикали (так называемый вертикальный или асцендентный дейксис (наш термин)), предопределяя трансформативную, сублимативную и трансцендирующую метаморфозы гротескного изображения.

Е. Кассирер акцентирует на сенсорном происхождении дейксиса. По его мнению, дейктические маркеры являются следствием прямых „звуковых метафор”. Он называет их вокальными жестами, которые служат для усиления физических жестов. Гласные, подверженные прояснению различной степени, служат для выражения пространственной отдаленности; отдельные согласные и группы согласных обладают четко определенной сенсорной ориентацией – у некоторых из них центростремительная, а у других – центробежная тенденция. Следовательно, сам язык от проявлений фонетических особенностей до сложнейших синтаксических конфигураций дейктически маркирован, он – „путеводитель” по дейктическим маршрутам, а гротеск – его эстетический синтез или эстетизированное „сокращенное издание”. Субстанционально-сенсорная плотность гротеска, т.е. ее осязаемая предметность, тоже является функцией ее дейктически-пространственной природы, потому что только пространственные координаты создают впечатление о материальной обособленности предмета, выражают и подпитывают эмпирику, объективирующую нашу идею о нем. Субстанциональное единство (предметная консистенция) в гротеске, благодаря дейктическим интензиям⁴, преобразуется в динамично-функциональное единство, которое активизирует трансцендирующую функцию гротеска. Как сеть направлений, путей развития и силовых линий, он раскрывает свою трансформативную и комбинативную (контруентабельную)

природу, которая провоцирует и вызывает созидательную деятельность как автора, так и реципиента. Таким образом, гротеск превращается в медиум для профилирования Я и для его разграничения от других субъектов. Благодаря ему В. Гомбрович добивается динамичной и развивающейся (инфинитной) автоидентификации и индивидуализации, в принципе недоступимой под давлением вездесущей Формы. Так как предметы в гротескной образности освобождаются от своего утилитарного предназначения, чтобы обнаружить свое настоящее бытие (и „свою самоличность”), В. Гомбрович по симпатии тоже идет по следам своей собственной аутентичности. Автолокализация в пространстве, особенно посредством пластичных качеств гротеска, способствует кристаллизации представления о собственном Я и о выяснении его стратегии. Очень уместны здесь слова Е. Кассирера: „Почти во всех языках именно *пространственные указательные* (местоимения) образуют исходную точку для отнесения *личных местоимений*.” [Кассирер 1998: 185–186].

Гротеск есть яркая иллюстрация тезиса Ч. Пирса, согласно которому самые совершенные знаки – это те, в которых иконический, указывающий и символический характер смешиваются в самых разных пропорциях [по Якобсону 1989: 121], а определение дейксиса Д. Лайонза успешно можно применить и по отношению к гротеску как типу дейктика: „Przez deiktyczność rozumiemy umiejscawianie lub wyznaczanie osób, przedmiotów, wydarzeń, procesów i czynności, o których mowa lub do których się odсылa, przez ich ustosunkowanie do kontekstu czasoprzestrzennego, tworzonego i podtrzymywanego aktem wypowiedzi oraz udziału w tym akcie jednego zazwyczaj nadawcy i co najmniej jednego adresata.” (Под дейксисом понимаем локализацию или обозначение лиц, предметов, событий, процессов и деятельности, о которых говорится или к которым отсылают, путем их отнесения к темпо-

рально-пространственному контексту, создаваемому и поддерживаемому речевым актом и участием в нем чаще всего одного продюсера и хотя бы одного адресата.) [Lyons 1989: 249].

Выведенный английским лингвистом дейксис **сопереживания** имеет естественное применение в гротеске, так как автор (А) с одной стороны напрямую („родственно”) связан с предметами, ситуацией или местом, к которому отсылает Ч – „скульптирует” сцену, на которой разыгрываются события, а с другой – солидализируется с Ч, сокращает дистанцию между ним и собой. Усиленное употребление прямых дейктических маркеров, особенно тех, которые выражают пространственную близость, в доминированном гротеском творчестве В. Гомбровича, является знаком субъективной ангажированности А и его экспрессивного приглашения к сотрудничеству и сопереживанию, адресованного Ч. Как раз здесь происходит слияние между дейксисом и модальностью, на которое обращает внимание Д. Лайонз [Lyons 1989: 279].

2.0. Дейксис в когнитивном курсе

Рассматривая эпистемические предикации дейксиса, Р. Лангакер отталкивается от заякоривающего фона: „Termin *tło kotwiczące* jest używany do wskazywania zdarzenia mownego, jego scenerii i uczestników. Tło kotwiczące składa się zatem z wielu elementów [...] Za centralny element tła można uznać nadawcę, stąd odniesienie do tła kotwiczącego często interpretowane jest jako odniesienie przede wszystkim do nadawcy.

Wyrażenie **deiktyczne** jest to wyrażenie, które zawiera *tło kotwiczące* lub jakiś jego element w swoim zakresie **predykcji** (czyli w swojej bazie).” (Термин **заякоривающий фон** употребляется для указания речевого события, его сценических атрибутов и участников. Следовательно, заякоривающий фон состоит из множества элементов [...] Как центральный элемент фона можем принять

4 Термин Симеона Янева, который мы заимствуем с идеей специфицировать его для целей нашего исследования. Нам он кажется подходящим для обозначения „указывающих” энергетических потоков (снопов), руководящих нашей ориентацией в дейктической схеме и подчеркивающих ее креативно-преобразовательные свойства, стимулируя в то же время творческие возможности адресата (Ч) в процессе восприятия и декодирования.

продуктора, и отсюда ссылка на него часто интерпретируется как ссылка прежде всего на продуктора.

Дейктическое выражение – то, которое содержит заякоривающий фон или какой-то его элемент в своем **предикативном** охвате (т.е. в своей базе). [Langacker 2005: 12].

Эти рассуждения имеют исключительное значение для нашего исследования и словно подтверждают нашу тезу, что гротеск имеет не только дейктическую конституцию, но и представляет собой макродейктем (мегадейктем) со сложной внутренне динамичной и иерархизованной дейктической структурой. Внешний макродейктический облик гротеска – в постоянной внутренней кореференции со своими интрадейктическими компонентами. Наша версия об эпистемических предикациях, в конкретном случае в зоне гротескного изображения, немножко иная. Ввиду эпистемической значимости каждого высказывания и слишком общей, неотчетливой (неупорядоченной, размытой) дефиниции эпистемической предикации (которая могла бы охватить буквально любое высказывание (любой речевой продукт)), предложенной Р. Лангакером, нам кажется целесообразным попытаться обнаружить эпистемические модальности, содержащиеся в предикации гротескной образности, и обосновать их присутствие. Разумеется, в таком скромном по объему исследовании невозможно это сделать, поэтому мы ограничимся лишь выделением некоторых основных положений. Чтобы не быть голословными, приведем определение Р. Лангакера:

Wśród wyrażen deiktycznych jest pewna ograniczona grupa, charakteryzująca się określonymi cechami i znaczeniem gramatycznym. Ponieważ odnoszą się one do wiedzy mówiącego na temat innych bytów i jego oceny ich statusu, proponuję określić je mianem **predykcji epistemicznych**. (Среди дейктических выражений есть одна ограниченная группа, которая характеризуется определенными чертами и грамматическим значением. И так как они связаны со знанием говорящего о

других существах и с оценкой их статуса, предлагаю назвать их **эпистемическими предикациями**.) [Лангакер 2005: 16].

По мнению американского когнитивиста, номинальные выражения являются десигнатом эпистемически „заякоренного” предмета, а предложения с личной глагольной формой – эпистемически „заякоренного” процесса. [Лангакер 2005: 17]. Каждое высказывание, по нашему мнению, содержит эпистемическую предикацию, а различие между высказываниями заключается в степени и способе ее выражения. Из выделенных Р. Лангакером трех характерных для эпистемической предикации черт принимаем как самую убедительную третью, которая, на наш взгляд, выступает в качестве индикатора высокой степени эпистемичности: „Zatem pierwszą różnicującą cechą predykcji epistemicznych jest fakt, że nie mogą one występować w pozycji predykatu zdaniowego, w której występują inne wyrażenia opisujące relacje – najwyraźniej bardzo bliskie znaczeniowo. Drugą cechą jest obowiązkowa deiktyczność. [...]”

Trzecia cecha różnicująca predykcje epistemiczne odnosi się do relacji walencyjnych (ang. *valence relations*). Mówiąc ściślej, element tła kotwiczącego, który funkcjonuje jako punkt odniesienia w predykcji epistemicznej, musi pozostać ukryty [...]” [Лангакер 2005: 20–21]. (Следовательно, отличительной чертой эпистемических предикаций является тот факт, что они не могут появиться в позиции предиката предложения, в котором уже есть другие выражения, описывающие взаимосвязи – определенно слишком близкие по значению. Другая особенность – это обязательная дейктичность. [...])

Третья отличительная черта эпистемической предикации касается ее валентностей. Точнее говоря, элемент заякоривающего фона, функционирующий как ориентационный пункт в эпистемической предикации, должен остаться скрытым. [...] [Лангакер 2005: 20–21].

Что касается первой особенности, то мы не считаем, что выражения, описывающие отношения, находятся вне эпистемичности. Скорее, они ее редуцируют, снижают ее степень; обязательная дейктичность характерна для каждого высказывания – но отличается разными вариантами и степенями проявления. Третья особенность – самая подходящая для обоснования нашего тезиса. Латентная позиция продуктора гротеска (А) как отправная точка перцепции обостряет и усиливает дейктическую природу гротеска и, соответственно, повышает степень ее эпистемической предикативности. Валентность как имманентная черта каждой языковой единицы и каждого высказывания особенно рельефна в гротескном изображении. В состоянии поливалентности она является его основной конструктивной потенцией, гарантирующей когезию элементов.

В такой перспективе гротеск как мегадейктема – монументальная иллюстрация эпистемической предикативности с латентным дейктором (заякоряющий фон) в лице А, который оперирует „снопом” внутренних эпистемических предикатов – следствие оживленной дейктической креолизации. Гротеск является эпистемическим ребусом (калейдоскопом, конгломератом) с результативным и сублиативным (подводящим под общий знаменатель все остальные модально-предикативные векторы) характером.

3.0. Дейктическая специфика гротескной картины.

3.1. Гротеск обладает наиболее сильно выраженной дейктичностью в силу своего визуально-высказывательного характера, а также в связи с обстоятельством, что представляет собой словно пластично проиллюстрированную иронию, яркую ее метафору или ее экстенциональный дериват⁵. Компатибельные сочетания „несовместимых” предметов, элементов, сущностей, отношений и бытийностей, достигших удивительного эстетического симбиоза как готовность и предстартовый ансамбль (предварительная „хореография”) для трансценденции,

⁵ Подробнее о гротеске в статье Гротеск в когнитивно-прагматическом ракурсе (на материале творчества В. Гомбровича) [Хамзе 2014] и в ряде других наших исследований.

иллюстрируют дейктическую „полифонию” в гротескном пространстве. Оксиморонический алгоритм⁶ гротескного конструирования фокусирует дейксис в точке пересечения между компонентами антиномических пар и генерирует набор сущностных принципов категории оксиморона, гарантируя бесконфликтное сосуществование их контрастивных составляющих. **Интегративный дейксис** „сплетает” референциальную сеть взаимосвязей между вещами в гротескном изображении. Их совместимость – результат **коррелятивного и реципрокного дейксиса**. **Темпорально-хронологический дейксис** включается в оптимизацию, аккомодацию и объединение трех онтологических фаз гротескной конструкции: исконной предгротескной бытийности, новоприобретенной бытийности, вследствие гротескной интеракции с остальными элементами, сублимативной и трансцендентной сверхбытийности как функции субстанциальной интерференции. И наконец, **трансцендентный дейксис**, указывающий возведенное в сферы Космического философско-эстетическое послание гротеска. Именно ему обязано „макетное” восстановление универсального баланса путем интеллектуально-экспрессивного синтеза. Интерактивный дейктический обмен выделяет одну из важных функций дейксиса – регуляционную.

3.2. Демонстратив to как дейктор в гротескной зоне

Перед тем как рассмотреть указательное местоимение *to* и его роль в гротескогенезе у В. Гомбровича, мы хотели бы сослаться на Дж. Лакоффа и М. Джонсона, по мнению которых „rozumienie *to* chwytanie” („понимание – это (букв. *это есть*) улавливание”): „Owo „to” należy traktować jako skrót pewnego zbioru doświadczeń, na których oparta jest metafora i z których pomocą ją pojmujemy.” („Именно „это есть” нужно толковать как синтез-сокращение накопленного опыта, на котором покоится метафора и благодаря которому мы ее понимаем.”) [Lakoff, John-

son 1988: 43]. Эта констатация американских ученых направляет наше внимание на что-то очень важное – транспозитивную функцию безличного демонстратива, которая порождает метафору и укрепляет ее в сознании, отождествляя с ее первоисточником. Как синтезированная и стилизованная „голограмма” нашего опыта, *to* исполняет роль транслятора в ассоциативном переносе, а кроме того утверждает ценность и прагматическую полезность нашего экзистенциального опыта. Согласно Р. Ницоловой, демонстратив *это* обладает самой широкой возможной экстензией [Ницолова 1986: 116]. Е. Табаковска извлекает эмоциональный заряд лексемы *to*: „Jest rzeczą charakterystyczną, że pojęcie fizycznej bliskości zawarte w centralnym znaczeniu leksemu „to” zostaje odwzorowane na pojęcie dystansu emocjonalnego – fizyczna bliskość uzyskuje metaforyczne rozszerzenie, nabierając znaczenia „bliskości emocjonalnej.” (Интересно отметить, что понятие о физической близости, содержащееся в центральном значении лексемы „это”, словно переносится на понятие об эмоциональной дистанции – физическая близость получает метафорическое расширение, приобретая значение „эмоциональной близости.”) [Tabakowska 2001: 145].

Цепочная дейктичность демонстратива *to* в отрывке из *Ślub* (*Обручение*) В. Гомбровича имеет трансформативную функцию – превращает доминантную иронию⁷ в гротеск. Сгущение и эскалирование эмоциональной энергии, щедро подпитываемой диминутивными формами как комплементарный (вторичный, поддерживающий) дейктор, вызывает гротескную метаморфозу, привлеченную вторым (смещенным) дейктическим центром – не ребенком, а уже зрелым мужчиной: Henryk, как объект материнских чувств, чей возраст не соответствует обильной гипокористике.

– Henryś! Chryste Panie! [...] a *to* kto mógł świętym przecuciem tknięty

przecuć, że coś *takiego*, złotko moje, słonko moje, szczęście moje, o, że *to* ja stara, głupia, nie zmiarkowała, ale gdzie *to* ja oczy podziiała, a ja oczy wyplakała, a ja myślała, że już cie nie zobaczę oczy moje, słonko moje, a *to* tu przede mną robaczek mój, ptaszyna moja, skarbek mój, a jak *to* wyrósł, jaki *to* mężczyzna, alleluja, alleluja, pójdź, niech cie uściskam [...]

(– Хенриш! Боже мой! [...] *да* кто же подумал бы, святым чувством облаканный, что что-то *такое*... золотце мое, солнышко мое, счастье мое, ох, да я же *такая* старая, глупая, как же не догадалась, да куда же я глаза *эти* подевала, ох, глаза я вылакала, а ведь думала же, что больше тебя не увидят глаза *эти*, солнце мое, а *то* ты тут передо мной, червячок мой, птичка моя, зернышко жемчужное мое, как же он вырос, каким же мужчиной стал, аллилуйя, аллилуйя, иди ко мне, дай тебя обнять[...].) [Ś, 105–106] [Здесь и далее подчеркнуто мной – Д. Х.].

Гротескогенные функции дейктора *to* в цитированном фрагменте – следующие: 1. Идентификационная функция: рельефно очерчивает, центрирует личность говорящего (Матери), фиксирует ее как дейктическое ядро и усиливает ее субъективную позицию, как и субъективность перцепции вообще – она окрашена ласковостью, фамильярностью, интимностью. 2. Аксиологическая функция: придает оценочность высказыванию с позиции говорящего, но и с позиции воспринимающего (как коммуникативный партнер героини – ее сын Henryk, так и коммуникативный партнер А – Ч), который „узнает” гротеск как художественное высказывание. 3. Референциальная функция (на самом деле она одновременно биреференциальная и биидентификационная): указывает и говорящего (субъект высказывания) и слушателя (его объект). 4. Супремативная (организующе-руководящая, регулятивная и дистрибутивная) функция *to* – лексема – дейктический центр, осевая конструкция,

6 Больше по вопросу в статьях The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz) [Hamze 2013a] и Оксиморон – гротесковая арматура в творчестве В. Гомбровича [Хамзе 2013б]

7 Анализ иронических посланий в текстуальном фрагменте см. в статье Когнитивно-прагматические аспекты комиксы [Хамзе 2012б].

которая профилирует перцептивное ядро и „фонировать” второстепенные объекты (относит их к фону). 5. Экспрессивная функция: производная как ориентированной вовнутрь и в глубину по направлению к своему источнику интровертирующей (интраполирующей) функции, так и экстенсionalного ее приложения (расширения) в виде частичной экстраполяции (семиэкстраверсии), но в очертаниях той же душевно-интимной атмосферы, ориентированной на слушателя, который ассоциирован в общем эмоциональном пространстве. 6. Итеративная (скалярная, асцендентная и аппроксимативная) функция: повторение демонстратива одновременно сгущает эмоциональное напряжение и усиливает экспрессию, „добивающуюся” какой-то обобщенности (синтеза) и гегемонии чувства (одержимости эмоцией), экспансивно „обрушивающегося” на свой объект. Эта функция стимулирует превращение пространственного дейксиса в эмфатический (*to* „идентифицирует себя” как бидейктический маркер). 7. Транслятивная (трансформативная и фузивная) функция: напрямую связана с предыдущей; экспансия трогательного материнского умиления окутывает и сливает в одно тело маленького сладко-наивного ребенка и зрелого мужчину. Эта функция выделяет наиболее рельефно гротескопорождающую функцию, квазиаппроксимативную в утилитарном аспекте, которая на самом деле является суммарным следствием всех остальных функций демонстратива. 8. Субстантивизирующая функция: *to* напоминает субстантиватор. Предикативная конденсация демонстратива в состоянии потенциальности „субстантивизирует” (объективирует, опредмечивает) субъекты, которые становятся объектом какого-то возможного действия или все-возможных действий, превращаются в фокус омпредикативности. Мать „наблюдает саму себя” как объект (глазами внутреннего автора, перевоплощенного в образ героини) и „иронизирует над собой”, осознавая свою гротескную по-

зицию. Идентифицируя этот взгляд, Ч в состоянии распознать гротескность изображения. 9. Коммуникативная функция: гротескная образность поднимает и градус дискурсивного обмена, укорачивает дистанцию между А и Ч, поощряет и активизирует их общение. 10. Рецептивно-интерпретативная функция: „устремленные” к гротескной метаморфозе интензии (и функции) демонстратива *to* активируют герменевтические способности Ч.

3.3. Дейктическая пространственность в гротескном мире В. Гомбровича

Психологический оксиморон (я ребенок и в то же время зрелый мужчина), занимающий „почетное” место в тексте романа *Ferdynand* (*Фердинанд*) проявляется как перманентно реципрокная динамическая структура аллативно-аблативного типа. Это семантико-пространственное отношение, посредством которого „идентифицирует себя” прототипная падежная макроструктура, названная нами **полиспектральный спациатив**⁸, иллюстрирует как раздвоение героя, которое функционирует как дистрибуция между двумя его состояниями (ребенка и взрослого), так и временное дисбалансирование антиномии, когда одно из них имеет перевес. Так или иначе, равновесие поддерживается ритмичными чередованиями дисбалансов то в одну, то в другую сторону. В гротескной картине пространственные операторы чертят нестандартную траекторию разрастающегося пространства (посредством распределенных по степени интенсивности метафорических субстантивов) зрелого мужчины, чтобы резко свернуть его в фокусе ребенка (посредством инесива с трансформативно-результативным экспонентом – „w dziecku” („в ребенке”)). Элативно-партиитивная цепь [„przeraziłem się własnej siły, pazurów, szponów, kłaków” („испугался своей собственной силы, когтей, кулаков”) иллюстрирует постепенное освобождение от силы зрелости и „уход” в беспомощность ребенка. Пространственные векторы обеспечивают метамор-

фозу героя, которая свидетельствует, с одной стороны, о спорной, многозначной, флуктуативной и мобильной самоидентификации, как и о неизбежной субординированности по отношению к Формальным императивам, „заставляющим” субъект действовать определенным, даже неожиданным для него образом:

Infant, infantyl – król, dziecko, pan-dziecko rozpedzone, och, gdybym teraz ciachnął ciocię, jużby się nie podniosła – i przeraziłem się własnej siły, pazurów, szponów, kłaków, mężczyzny złąłem się w dziecko. [F, 266].

(Инфант, инфантильный – король, ребенок, господин-ребенок сумасбродный, ох, звезданул бы я сейчас тетю, не шевельнулась бы она больше – а я испугался собственной силы своей, когтей, кулаков, мужчины испугался в ребенке.)

В другом отрывке того же романа нарратор предлагает новую, хотя и спорадическую, но плодоносную в психо-эстетическом отношении перспективу для освобождения от нашей неизбежной зависимости от диктатуры Формы, посредством динамического разнообразия пространственных координат, синтезированных в конкретном примере оксиморонов в некоторых из его разновидностей: психологических, семантических, синтаксических. Эгоцентрические фразы, представляемые активом в его функции главного аканта в предложении и усиленные демонстративами („**Ja w to wierzę – ja to czuję – ja taki jestem – ja tego bronię**”) („Я верю в это – я ощущаю это – я такой – я защищаю это”), контрируются – путем вводящей через социатив (+ модалис) фразы („powiemu z pokorą” („проговорим смиренно”)) – пассивно-эргативными секвенциями, объединенными с иллативными и аллативными конструкциями с оценочным нюансом и поддерживаемыми личными и указательными местоимениями, при том повторенными, как и глаголами в безличной форме („Mnie się w **to** wierzy – mnie się **to** czuje – mnie się **to** powiedziało, uczyniło, pomyślało.” („Мне верится

8 См. статьи: Аспекты падежности (на материале польского языка) [Хамзе 2012в] и Аспекты падежности (на материале польского языка) [Хамзе 2013в]. Там обоснован и выбор латинской терминологии как самой подходящей для выражения пространственного характера падежности.

в это — мне чувствуется это — мне это выговорилось, сделалось, подумалось.”). Эти фразы внутренне амбивалентны в смысловом отношении: с одной стороны, показывают даже „визуально” нашу зависимость от Формы, но так как в данном случае Форма тождественна Антиформе (идет речь об освобождении от декларативно-риторической самовлюбленности творческого субъекта и расщеплении классической Формы посредством Формы-Антиформы Молодости, Незрелости, Низшего, посредством их безыскусного обаяния и пленительного ревитализирующего примитивизма простолудия), а с другой стороны, имеют ре-формативную и трансформативную функции — предлагают более аутентичную, созидательную и эвристическую экзистенцию. Они имеют и дополнительный смысловой акцент — неуместно даже говорить „Я...”, поскольку Я есть объект непрерывного давления и обработки со стороны вездесущей Формы, но если эта Форма на самом деле Контраформа или кривое зеркало Формального стандарта, стоит оставить себя под ее владычеством. Следующие предложения, построенные как серия метафорических аллативов-аблативов, представляют яркую оксимороническую иллюстрацию позиции рассказчика и фактуру гротескного изображения.

I zamiast ryczeć: „Ja w to wierzę — ja to czuję — ja taki jestem — ja tego bronię” — powiem z pokorą: „Mnie się w to wierzy — mnie się to czuje — mnie się to powiedziało, uczyniło, pomyślało.” Wieszczy wzgardzi swym śpiewem. Wódz zadrży przed swym rozkazem. Kapłan złęknie się ołtarza, a matka wpajając będzie w syna nie tylko zasady, lecz także zdolność umykania się im, iżby go nie przydużyły. [F, 92].

(И вместо того, чтобы прокричать: „Я верю в это — я чувствую это — я такой — я защищаю это — мы проговорим смиренно: „Мне верится в это — мне чувствуется это — мне это выговорилось, сделалось, подумалось.” Пророк презрит свой голос. Вождь задрожит перед своим приказом. Жрец испугается алтаря, а мать будет учить сына своего не только принципам, но и тому, как их избегать, чтобы они его не задушили.) [F, 92].

В третьем примере, из романа *Trans-Atlantyk*, дейктическая пространственность под „покровительством” ситуативно-поведенческого, психологического и лексико-семантического оксиморона развертывается как сукцессивная гротескная картина. Сервильная церемониальность Советника посольства, который в принципе страдает высокомерием и комплексом покровительственного превосходства, но в целях национально-патриотической идеи должен сыграть сценку экзальтированного поклонника отечественных литературных „светил”, в первую очередь перед местными чужими соперниками, обнажает гротескный механизм действия всевластной Формы. Давление Формы настолько сильно и заразительно, что нарратор тоже попадет в плен к ней. Так она превращается в куртуазный этикет обмена помпезными хвалениями, прикрывающими взаимное невнимание и унижение. Ансамбль дейктических функторов, „собирающих” гротескное пространство — суггестивная система „визуализирования” этого процесса. Антеессив („przede mną” („передо мной”)) в комбинации с метафорическим сравнением, выраженным негативно-экспрессивной лексемой („jakby mnie w pysk da!” („словно врезал мне в лицо!”)), прокладывает дорогу для риторического вопроса, содержащего прямой демонстратив и личное местоимение в реципрокной пространственной (аллативно-аблативной) зависимости, усиленные повторениями эвфемизированного путем умалчивания большей его части вульгаризма („O po cóż ten g...rz, co mnie za g...rza ma, Mistrzem nazywa?” („Так зачем же засранец этот, меня за засранца считающий, Виртуозом меня называет?”)). Пространственная дейктичность набирает скорость, словно эскалирует в следующем предложении посредством цепочно-реверсивных итеративных фраз. Это сложное предложение как развернутый синтаксический дейксис, составленное из нескольких дистрибутивно-дополнительных предложений, за которым следует эллипсис, кульминирует в лексикально-стилистическом оксимороне как симметричная дейкстема, кинетизированная посредством анте-

латива („i tak w honorach i w g... przed dom zajeżdżamy.” („и так в оказании почтения и в г... к дому прибываем”)):

Dźwięk kłamstwa jawnego, a przede mną z nagłą ucieleśnionego, jakby mnie w pysk da! O po cóż ten g...rz, co mnie za g...rza ma, Mistrzem nazywa? Wsiadamy tedy do karyjolk. Jedziemy tedy karyjolką, a choć najsilniej honory sobie wyświadczamy, to przecież wiedząc, że on wie, że ja wiem, że on wie, że ja wiem, i g...g...g... najsilniej sobie pogardzamy; i tak w honorach i w g... przed dom zajeżdżamy.

(Наглой лжи звон, а передо мной воплощение, словно врезало мне в рот! Так зачем же засранец этот, меня за засранца считающий, Виртуозом же меня вздумал называть? Тогда садимся в двуколку, и хотя расшибаемся засвидетельствовать почтение друг другу, и зная, что он знает, что я знаю, что он знает, что я знаю, и г...г...г..., яро друг друга презируем; и все так в искристом оказании почтения и в г... к дому прибываем.) [TA, 34].

В этом небольшом по объему исследовании не было возможности уделить внимание и другим представителям дейктики, таким как: метафора, сравнение, негация, повторение, словообразовательные структуры (дминутивы, неологизмы), разные синтаксические обороты, которые являются ключевыми для гротескогенеза в литературном творчестве польского писателя. Исследование каждого из них по отдельности, наверное, достигло бы монографических размеров. В целом, творчество В. Гомбровича можно определить как гротескную мегадейкстему.

Сделанный краткий обзор проблематики наводит на следующие выводы:

1. Гротеск как мегадейкстема показывает, что дейкторы в его диапазоне выстраивают системы взаимосвязей и функционируют в интеракции, преопределяющей и направляющей интерпретативные зондирования.
2. Результативный философско-эстетический дейксис как часть гротескной конституции трансформирует гротеск из контекстной величины в экстратекстуально-трансцендирующую и эволютивную категорию.
3. Изучение гротеска доказывает, что разница между текстовым и ситу-

ационным дейксисом является весьма условной. На самом деле, в оппозиции находятся не ситуационный – текстовой, а эксплицитный – имплицитный дейксис. В письменном (в частности, литературном) тексте есть ясные ситуационные маркеры, а в условиях физической коммуникации видимые ситуационные функторы являются текстопорождающими, хотя и в устной речи. Художественная литература представляет собой комплекс коммуникативных ситуаций и коммуникативных ракурсов. В ней встречается не только так называемый анафорический (или катафорический) тип дейксиса, но также и ситуационный. Гротеск выступает и как имплицитный мегадейктор: „Осмотри все это и интерпретируй его адекватно. Посмотри на него другими глазами.”

4. Дейктические функторы в гротескной зоне расширяют коммуникативную платформу, увеличивают рецептивно-интерпретативный потенциал Ч и обогащают его диалог с А.

5. Способность Ч улавливать дейктические маркеры и, наряду с этим, обнаруживать дейксис в гротескном ареале как пере-сотворение мира, актуализирует, уплотняет и воссоздает (генерирует) сам дейксис.

6. Дейксис в гротескной зоне стимулирует и поддерживает как процесс автоидентификации и индивидуализации субъекта (он создает дейксальную координатную систему, контролирует ее и позиционируется относительно нее), так и процесс его социализации и консолидации с универсальными бытийностями.

7. Гротескный дейксис как Антиформа – это оптимальная стратегия противодействия гегемонии „дискриминирующей” Формы.

8. Благодаря дейксису как арматуре гротеска мы „дешифрируем” его как мультимодальный поликодовый гипертекст (снова приводим превосходный термин Ал. Залевской).

9. Дейксисом обусловлен асцендентальный характер гротеска – он может быть представлен разными по объему единицами: от одного слова до целого произведения (макродейкстема).

10. Функциональный диапазон гротеска чрезвычайно богат, и в этом

немалая заслуга принадлежит дейксису. Ведущей является эпистемическая функция, за которой идут референциальная, направляюще-регулирующая, консолидирующая, рецептивно-интерпретативная, экспрессивно-эстетическая, креативная, оценочная, либеративная (освобождающая), сублимативная и трансцендирующая.

11. Гротеск – это дейктический компендум и результат проследивания дейктической схемы. Он совмещает разные виды дейксиса: интегративный, кореферентный, реципрокный, темпоральный, модальный, медиумичный, транслятивный, аллюзивный, метаморфический, трансцендентный.

12. Пестрая дейктическая палитра в пределах гротеска делает его много-ступенным и многопрофильным когнитивным феноменом.

13. Сам язык есть „путеводитель” в познании, а гротескная дейкстема – это его эстетизированное „сокращенное издание”.

References:

1. Gombrowicz 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke*, Warszawa., Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956, skrót F.
2. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. *Ślub. Dzieła. tom IV. Dramaty.* – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, - pp. 89–224, skrót Ś.
3. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III.* – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, skrót TA.
4. Hamze 2013a: Hamze, D. *The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz).* W: „Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center””. - St. Louis, Missouri, USA, 2013a., pp. 383–390.
5. Jakobson 1989: Jakobson, R. *W poszukiwaniu istoty języka.* W: „W poszukiwaniu istoty języka 1. Roman Jakobson”, wybór i red. naukowa M.R. Mayenowa. – Warszawa., PIW, 1989, pp. 115–134.
6. Lakoff, Johnson 1988: Lakoff, G., Johnson, M. *Metafory w naszym życiu.* – Warszawa., PIW, 1988.
<http://dx.doi.org/10.2307/414069>
7. Langacker 2005: Langacker,

R. *Observacje i rozważania na temat zjawiska subiektywizacji*, tłum. M. Majewska. – Kraków., Universitas, 2005.

8. Lyons 1989: Lyons, J. *Semantyka 2.* – Warszawa., PWN, 1989.

9. Stockwell 2006: Stockwell, P. *Poetyka kognitywna*, tłum. A. Skuczyńska. – Kraków., Universitas, 2006.

10. Tabakowska 2001: Tabakowska, E. *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu.* – Kraków., Universitas, 2001.

11. Dimitrova 2009: Dimitrova, S. *Lingvistichna pragmatika [Linguistic pragmatics].* – Veles., Sofija 2009.

12. Zalevskaia 2012: Zalevskaia, A.A. *Znachenie slova i metafora «zhivoj polikodovij gipertekst» [Word meaning and the metaphor „live polycode hypertext”].* Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics., Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences (London, August 31 – September 06, 2012). Published by IASHE, London 2012., pp. 189–191; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

13. Kasirer 2013: Kasirer, E. *Ezikt. Filosofija na simvolichnite formi.* Vol. 1. – Sofija., Evrazija, 2013.

14. Nicolova 1986: Nicolova, R. *Blgarskite mestoimenija.* – Sofija, Nauka i izkustvo [Science and art], 1986.

15. Hamze 2012a: Hamze, D. *Kategoriite na komichnoto v perspektivata na ironijata v kognitivno-pragmatichen aspekt.*, V: „Spovstavitelno ezikoznanie”, kn. 3. – Sofija., 2012a., pp. 39–52.

16. Hamze 2012b: Hamze, D. *Kognitivno-pragmatichni aspekti na kómkata.* V: „Ezikt na vremeto. Sbornik s dokladi po sluchaj 70-godishnija jubilej na prof. d. f. n. Ivan Kucarov”. Universitetsko izdatelstvo „Paisij Hilendarski”. – Plovdiv., 2012b., pp. 355–364.

17. Hamze 2012v: Hamze, D. *Aspekti na padezhnostta (vrhu material ot polskija ezik)* V: „Nauchni trudove na PU „P. Hilendarski”, Vol. 50., kn. 1, SB. V. - Plovdiv 2012v., pp. 412–428.

18. Hamze 2013b: Hamze, D.

Oksimoront – groteskovata armatura v tvorchestvoto na V. Gombrovich. V: „Aktualni problemi na b#lgaristikata i slavistikata. Vtora mezhdunarodna konferencija, 9 - 10 noemvri 2012 g., VTU „Sv. sv. Kiril i Metodij“. - Veliko Trnovo., 2013b., pp. 414–423.

19. Hamze 2013v: Hamze, D. Aspekty padezhnosti (na materiale pol'skogo jazyka) [Aspects of cases (on materials of the Polish language)], LXX International Scientific and Practical Conference „Language means of preservation and development of cultural values“. III stage of the championship in philology. (November 10 - November 15, 2013). - London., Published by IASHE, 2013v., pp. 48–57.

20. Hamze 2014: Hamze, D. Groteskata v kognitivno-pragmaticchen rakurs (vrhu material ot tvorchestvoto na V. Gombrovich). V: „Spovstavitelno ezikoznanie“, kn. 4. – Sofija., 2014.

Литература:

1. Gombrowicz 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956, skró́t F.

2. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. *Ślub. Dzieła. tom IV. Dramaty*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986, 89–224, skró́t Ś.

3. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986, skró́t TA.

4. Hamze 2013a: Hamze, D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz). W: “Applied

and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center””, St. Louis, Missouri, USA, 2013a, s. 383–390.

5. Jakobson 1989: Jakobson, R. W poszukiwaniu istoty języka. W: „W poszukiwaniu istoty języka 1. Roman Jakobson”, wybór i red. naukowa M. R. Mayenowa, Warszawa: PIW, 1989, s. 115–134.

6. Lakoff, Johnson 1988: Lakoff, G., Johnson, M. *Metafor w naszym życiu*. Warszawa: PIW, 1988. <http://dx.doi.org/10.2307/414069>

7. Langacker 2005: Langacker, R. *Obserwacje i rozważania na temat zjawiska subiektywizacji*, tłum. M. Majewska. Kraków: Universitas, 2005.

8. Lyons 1989: Lyons, J. *Semantyka* 2. Warszawa: PWN, 1989.

9. Stockwell 2006: Stockwell, P. *Poetyka kognitywna*, tłum. A. Skuczyńska. Kraków: Universitas, 2006.

10. Tabakowska 2001: Tabakowska, E. *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*. Kraków: Universitas, 2001.

11. Димитрова 2009: Димитрова, С. *Лингвистична прагматика*. Велес: София 2009.

12. Залевская 2012: Залевская, А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» // *Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences* (London, August

31 – September 06, 2012). Published by IASHE, London 2012, 189–191; електр. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

13. Касирер 2013: Касирер, Е. *Езикът. Философия на символичните форми*. Том 1. София: Евразия, 2013.

14. Ницолова 1986: Ницолова, Р. *Българските местоимения*. София: Наука и изкуство, 1986.

15. Хамзе 2012a: Хамзе, Д. Категориите на комичното в перспективата на иронията в когнитивно-прагматичен аспект. В: „Съпоставително езикознание“, kn. 3, София, 2012a, 39–52.

16. Хамзе 2012b: Хамзе, Д. Когнитивно-прагматични аспекти на комиката. В: „Езикът на времето. Сборник с доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д. ф. н. Иван Куцаров“. Университетско издателство „Паисий Хилендарски“, Пловдив 2012b, 355–364.

17. Хамзе 2012в: Хамзе, Д. Аспекти на падежността (върху материал от полския език) В: „Научни трудове на ПУ „П. Хилендарски“, том 50, kn. 1, СБ. В, Пловдив 2012в, 412–428.

18. Хамзе 2013b: Хамзе, Д. Оксиморонът – гротесковата арматура в творчеството на В. Гомбрович. В: „Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Втора международна конференция, 9 - 10 ноември 2012 г., VTU „Св. св. Кирил и Методий“, Велико Търново 2013b, 414–423.

19. Хамзе 2013в: Хамзе, Д. Аспекти падежности (на материале польского языка). // LXX International Scientific and Practical Conference „Language means of preservation and development of cultural values“ / III stage of the championship in philology. (November 10 - November 15, 2013) Published by IASHE, London 2013v, 48–57.

20. Хамзе 2014: Хамзе, Д. Гротеската в когнитивно-прагматичен ракурс (върху материал от творчеството на В. Гомбрович). В: „Съпоставително езикознание“, kn. 4, София, 2014.

Information about author:

1. Dimitrina Hamze - Doctoral Candidate, Plovdiv University named after Paisii Hilendarski; address: Bulgaria, Plovdiv city; e-mail: didiham@abv.bg

CERTAIN PECULIARITIES OF THE LANGUAGE SYSTEMS DEVELOPMENT IN THE LIGHT OF PUBLIC RELATIONS DYNAMICS ACCELERATION

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Intensification of orality, polyphony and creativity is traced in the contemporary Russian. Interaction of inner and outer factors and the role of people in the language development are stressed.

Keywords: language system, orality, polyphony, creativity.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ В СВЕТЕ УСКОРЕНИЯ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственный университет, Россия

Обострение устности, полифонии и креативности прослеживается в современном состоянии русского языка. Внимание фокусируется на взаимодействии внешних и внутренних условий при важной роли фактора человека в развитии языка.

Ключевые слова: языковая система, устность, полифония, креативность.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1259>

Вводные замечания

Формулировка проблемы, предложенной для обсуждения на данном этапе Первенства, а именно: «Развитие языковых систем в контексте ускоренной динамики общественных отношений», уже содержит в себе ответ на вопрос: чем может быть обусловлено развитие языковых систем, т.е. имплицитно, что значительную роль при этом играет ускорение динамики общественных отношений. Однако это только одно из условий, вызывающих обострение процессов, которые постоянно протекают в жизни языка: имеет место сложное взаимодействие многих внешних и внутренних факторов, выводящее на передний план наиболее актуальные для текущего периода времени тенденции развития языка, которые могут оказаться временными и угаснуть или приоритетными и сохраниться до перехода от использования в специфических ситуациях к закреплению в узусе, а затем и в норме вплоть до регистрации в языковой системе. Чтобы такое произошло, требуется диахронически значимый период наблюдений, однако уже теперь можно делать некоторые предварительные выводы относительно того, что может оказывать определённое воздействие на дальнейшие пути развития языковых систем.

Индикаторами реализующихся ныне изменений в жизни русского языка могут быть темы лингвистических научных изысканий, в том числе

выполняемых на уровне диссертационных исследований, которые (по своей ориентации и предъявляемым к ним требованиям) должны ставить цель обнаружения того нового, что происходит в жизни языка. В предлагаемом докладе приводятся результаты ознакомления с публикациями последних лет для выявления наиболее актуальных вопросов, комплекс которых помог бы подойти к выяснению того, почему обострились процессы развития языка, через какие приоритетные тенденции это проявилось в последние годы и к каким результатам это может привести.

Факторы, обостряющие процессы развития языка

В книге Мелвина Брэга [2] внимательно прослежена история становления и развития английского языка с 500 года до н.э. и до 2000 года. Автор прекрасно показал взаимодействие различных факторов, влияющих на судьбу языка, его способность выстоять в трудных условиях и получить импульс для бурного развития в ситуациях противостояния языкам завоевателей или взаимодействия с языками жителей колонизируемых территорий. То, что М. Брэг отмечает как характерное для Лондона, в котором и по сей день бушует «ураган языкотворческих традиций» и наблюдается «бурлящий водоворот слов и понятий», прослеживается и в других местах (ср., например, публикации

по регулярно проводимым в Москве «круглым столам» по проблеме полифонии большого города).

Современная ситуация в мире складывается так, что любой язык испытывает воздействие экономических, политических, культурных и прочих факторов, непосредственно связанных с общечеловеческим взаимодействием в условиях, с одной стороны – стремления к глобализации, а с другой – желания народов сохранить свою самобытность, в том числе и в отношении языка. При этом особую роль играют изменение социального и национального состава общества, в том числе в связи с миграцией населения, обусловленной экономическими и политическими ситуациями, обострением религиозных и межэтнических взаимоотношений и т.д. Мир становится двуязычным и многоязычным, что не может не отражаться на жизни языков. Ускоренная динамика общественных отношений в значительной мере сопряжена с повсеместным распространением и постоянным совершенствованием информационных технологий, продукты которых – новые феномены межличностных взаимодействий – стимулируют речетворчество (включая словообразование и языковую игру), распространяют интернациональную лексику и определённые штампы (например, мемы), предоставляют образцы сокращений и эмоционально насыщенных (в том числе графических и «картинных») средств компактной передачи лич-

ностного отношения к именуемым объектам и ситуациям. Эта постоянно развивающаяся сфера функционирования языка представляет собой «динамический объект» [15] (скорее, наверное, *динамичный* объект), в формирование которого вовлечены представители разных возрастных, социальных и профессиональных сообществ, что приводит к смешению стилей, жанров, средств самовыражения, способов привлечения внимания, к тому же в условиях возможной анонимности и личностной «раскрепощённости». Всё это многократно усиливает креативные возможности носителей языка, которые не только «творят» живой язык, но и решают, что именно и в каком виде закрепится как отвечающее потребностям общества.

Основные тенденции в развитии языка

Анализ публикаций последних лет позволяет проследить в русском языке по-разному проявляющиеся характеристики устности, полифоничности, креативности.

Устность. История возникновения этого понятия и современные проявления устности рассматриваются, например, в работах: [7–9; 19; 21; 22]. Обратим особое внимание на феномен, квалифицируемый как «письменная устность»; фактически – это запись разговора, типичная для современных форм общения с помощью электронных средств, особенно – в чатах (обсуждение ряда связанных с этой проблемой терминов, в том числе немецкоязычных, см.: [19]). Представляется важным отметить, что именно стремление к использованию «живого языка» с его экспрессивностью проявляется в речи, которая формально фиксируется как письменная, но переживается и оформляется пишущим, а также воспринимается читающим как устная. Под влиянием ускоренного темпа жизни и общения и при необходимости разделяемого знания, которое требуется для взаимопонимания, коммуницирующее сообщество вырабатывает сокращённые формы именований объектов и событий, использует базовые штампы с вариативностью их лексического наполнения,

изобретает условные обозначения и т.д., что наглядно представлено в различных подвидах коммуникации в электронном формате, прослеживается в текстах СМИ, рекламе, регистрируется в печатных литературных текстах и в Национальных корпусах языков, т.е. становится всё более привычным. Продуктами взаимодействия норм устной и письменной речи оказываются разнообразные отклонения от правил, смешение стилей, жанров и т.д.

Полифоничность. В данном случае речь идёт о разных формах сочетания языковых средств с другими возможностями возбуждения у собеседника тех или иных представлений, ожиданий, выводов, эмоционально-оценочных переживаний. В дополнение к разносторонним подходам к исследованию текстов, называемых поликодовыми, полимодальными, гетерогенными, креолизованными, гибридными и т.д. (см., например, [5; 10; 17; 18; 26; 27]), можно отметить в разной мере появляющуюся как в электронных, так и в печатных текстах полифонию стилей, жанров, приёмов, средств привлечения внимания, включая разнородные орфоэпические и графические элементы, сочетание текста и рисунка, текста и фото и т.д. Представляется возможным говорить в этом случае не столько о разнообразии или разнородности (коллажировании), сколько именно о полифонии, поскольку каждая используемая в таких случаях деталь призвана особым, наиболее эффективным образом «работать» на смысл, на достижение желаемого результата, создавая феномен эмерджентности.

Креативность. Наряду с появлением новых жанров в электронной коммуникации (см., например, [1; 6; 13; 14; 18; 19; 28]) наблюдается рост популярности связанных со злободневными событиями словесных новообразований, в том числе регистрируемых в качестве так называемых «слов года» (см., например: [23; 24]), создающих «словесный портрет эпохи» (ср.: *медвепутия* – «обозначение современной России»; *депардировать* – «переезжать с целью ухода от оплаты налога» [24: 117]). Креативность проявляется и через творческую обработ-

ку заимствованных слов и выражений, их транслитерацию, использование в соответствии с правилами словообразования (типа *гузлить*). В прагматических целях в повседневную жизнь входят аббревиатуры разных видов, в том числе из сферы информатики (ср.: SMS, GPS [11]); особую роль сокращения слов, словосочетаний и даже целых фраз играют в условиях ускоренного взаимодействия в электронном формате, что нередко скрывает нецензурную лексику [18]. Языковая игра не случайно стала популярным объектом исследования: рассматриваются новые формы межличностного взаимодействия (см., например, [3; 4; 16; 25]). Так, в демотиваторах, представляющих собой сочетание картинки с текстом, имеет место расхождение между содержанием первой фразы, обычно набранной более крупным шрифтом, и второй фразы, противоречащей первой. В Сети игра автора со смыслом сообщаемого сопровождается варьированием видов шрифта, изменением цвета набранной фразы или отдельного слова в ней, выделением полужирным шрифтом, курсивом, подчёркиванием, разрядкой, комбинацией различных средств. Интенсивно используется орфографическая игра, что выражается в использовании графем и пунктуации для создания иконического эффекта типа «смайликов». Имеет место и сознательное нарушение принципов орфографии: слова намеренно коверкаются при сокращении или для придания определённой эмоциональной окраски. По мнению Д.С. Мичурина [18], иногда последнее может быть пародией на безграмотность текстов в Сети. В названной работе отмечаются следующие особенности языка интернет-сообщений: безаффиксальное словосложение типа *интернет-мем* (возможно, под влиянием английского языка), использование свойственных только интернет-коммуникации суффиксов, частотное использование нетипичных для русского языка словообразовательных аналитических моделей; выявлена также эмоционально-игровая доминанта появления новых слов, связанная с поиском средств, повышающих экспрессивность единиц языка. Лексика и фразеология в существенной

степени задаются англоязычными мемами, получившими глобальную известность, они могут использоваться в исходном написании, транслитерации или транскрипции, буквальном переводе, близком переводе. К особенностям синтаксиса интернет-сообщений Д.С. Мичурин относит стереотипные фразы, намеренное подведение под распространённое/модное клише. Специфика языка интернет-коммуникации обсуждается во всех названных выше работах (см. также: [12; 27]),

Некоторые результаты происходящих изменений

Рассмотренные выше тенденции выступают продуктами обострения процессов, свойственных развитию языка. Вполне очевидно, что в значительной мере этому способствовало быстрое развитие новых информационных технологий, которое всё более ощутимо проявляется в повседневной жизни носителей русского языка. Приводимая ниже старая сказка на новый лад написана девочкой 10 лет, ученицей Мурманской школы Катей Александровой (курсив мой. – А.З.).

«В одной социальной сети “Королевство Ру” существовал *аккаунт* батюшки-царя и его трёх сыновей. Младшего звали Иван-тусовщик. Позвонил царь сыновьям по *скайпу*, да и говорит: – Дети мои, вы уже совершеннолетние, голосовать можете. Не пора ли вам жениться? – Да где мы жён-то возьмём? Все *аккаунты* в сети *фейковые*. – А возьмите каждый по *айфону*, позвоните по любому номеру, куда попадёте, там и жена ваша.

Что делать? Взяли по *айфону*, да и пошли туда, где связь лучше ловит. Стали они звонить. Старший в Питер попал, в салон красоты. Средний – в Москву к искусным кутюрье. А младший попал в Челябинск на детский утренник. Стали старшие сыновья хвастаться перед отцом по *скайпу*, да над младшим насмехаться.

А царь говорит: – Чья жена лучший каравай испечёт, та и самая умелая.

Старшая в ОКее хлеб купила, да просроченный. Средняя в хлебопечке хотела испечь, да не хлеб получился, а сухарь – не ту программу выбрала. А

младшая испекла шикарный каравай, потому что *гуглить* хорошо умела.

Пришли сыновья к отцу. Царь им и говорит: – Младшая победила, что тут думать? А что вы тут стоите? Идите, идите, мне в *Твиттере* много *твитов* прислали.

Сыграли сыновья свадьбы, все фотографии в *Инстаграм* выложили, если интересно, можете посмотреть # (*хэштэг*), круто потусили. Быстро *айфон* разряжается, да долго заряжается. Вот и сказке конец, а кто слушал, тому *ангрейд* на *смартфон* за десять *лайков*».

Этот текст показателен: заимствованные слова выступают как именованные привычных ситуаций, повседневно выполняемых действий и используемых артефактов. Термины информационных технологий и их производные входят в повседневный обиход с чисто утилитарной целью и сигнализируют об изменениях, которые происходят в жизни людей.

Заключение

Грядёт смена поколений, при которой формируется новый стиль мышления и отношения к жизни в целом и к «чистоте» языка в частности. Не случайно встаёт вопрос о специфике «клипового» и «компьютерного» мышления молодёжи, о распространяющихся и закрепляющихся отклонениях от требований системы и нормы языка и т.п. Тем самым подтверждается решающая роль ФАКТОРА ЧЕЛОВЕКА в развитии языка: для индивида язык выступает инструментом познания и общения, адаптации к естественной и социальной среде, но человек как представитель вида и личность существует на пересечении биосферы, психосферы, социосферы, лингвосферы и ноосферы, поэтому развитие языка должно исследоваться в комплексе взаимосвязанных проблем с выходом за пределы представлений о самодостаточности языка и о приоритетности внутренних закономерностей его развития.

References:

1. Bondar'kova A.V. Samoprezentacija v social'nyh setjah kak osobyj Internet-zhanr (na materiale russkojazychny

blogov) [Self-presentation in social networks as a special Internet genre (on material of the blogs in Russian)]. Voprosy psiholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]., 2014., No. 1., pp. 78–91.

2. Brjegg M. Prikljuchenija anglijskogo jazyka [Adventures of the English language]., translated from English. 2 Issue. – Moskva., 2014. – 418 p.

3. Viktorova O.A. Raznye podhody k issledovaniju jazykovoj igry na sovremennom jetape [Different approaches to research of language game at the present stage]., Vestnik Tver. gos. un-ta [Bulletin of Tver State University]., Ser.: Filologija [Series: Philology]. – 2014., No. 2., pp. 174–180.

4. Viktorova O.A. Jazykovaja igra v demotivacionnyh posterah [Language game in the demotivator posters]., Dialog jazykov i kul'tur: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty [Dialogue of languages and cultures: linguistic and linguo-didactic aspects]. – Tver', 2014. Issue 6., pp. 32–35.

5. Voron'ko V.P. Verbal'nyj komponent polikodovogo teksta, ego struktura i funkcii [Verbal component of the polycode text, its structure and functions]., V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2012. No. 11.3., pp. 28–39.

6. Goroshko E.I., Poljakova T.L. Politicheskij tvitting kak novyj zhanr internet-kommunikacii [Political tweeting as a new genre of Internet communication]., Voprosy psiholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]. 2014., No. 1., pp. 92–103.

7. Grechushnikova T.V. Literatura «na vseh kanalah» III – vozvrat k izustnomu? [Literature «on all channels» III – return to oral?]., Vestnik Tver. gos. un-ta [Bulletin of the Tver State University]., Ser.: Filologija [Series: Philology]., 2013., No. 5., pp. 22–29.

8. Grechushnikova T.V. I slam. Therefore I am. Ustnost' i mul'timedia kak literaturnyj mejnstrim [Orality and multimedia as the literary mainstream]., Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]., 2013., No. 24., pp. 28–45.

9. Grechushnikova T.V. Slam poetry: klassika v mul'timedijnoj sovremennosti

[Slam poetry: classics in the multimedia present]., Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]., 2014., No. 2., pp. 21–27.

10. Gromova N.S. Lingvokul'turologicheskij aspekt analiza kreolizovannyh tekstov [Linguoculturological aspect of the analysis of creolised texts]., Jazyk i kul'tura [Language and culture]. - 2013., No. 4., pp. 137–141.

11. Zholtikova M.A. Identifikacija abbrevem komp'juternoj sfery: strategii i opory [Identification of abbrevy in the computer sphere: strategies and support]., Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]. 2013., No. 24., pp. 293–297.

12. Ivanov L.Ju. Jazyk interneta: zametki lingvista [Internet language: linguist's notes]., Access mode: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm/> (Data obrashhenija: 30.01.2015 [Date of the address: 1/30/2015]).

13. Kaznova N.N., Ovchinnikova I.G. Kommunikacija v social'nyh setjah po sravneniju s blogosferoj [Communication in social networks in comparison with the blogosphere]., Voprosy psiholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]. - 2014., No. 3., pp. 86–97.

14. Kirilina A.V. Zhanr «demotivator» kak projavlenie polifonii i fiksacii povsednevnosti [Genre «demotivator» as a manifestation of polyphony and fixing of daily occurrence]., Polifonija bol'shogo goroda: sb. nauch. st. [Polyphony of the big city: collection of scientific reports]. – Moskva., 2012., pp. 54–74

15. Kirilina A.V. Ponjatie dinamicheskogo objekta v postneklassicheskoj lingvistike [Concept of a dynamic object in the post-nonclassical linguistics]., Voprosy psiholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]., 2014., No. 4., pp. 36–46.

16. Lingvistika kreativa 2: kolektivnaja monografija [Linguistics of the creative 2: collective monograph]., Edited by T.A. Gridina. – Ekaterinburg., Ural. gos. ped. un-t [Ural State Pedagogical University], 2012. - 379 p.

17. Maksimenko O.I.

Semioticheskie osobennosti mediateksta interneta [Semiotic features of the media text of the Internet]. Vestnik Rossijsk. un-ta družby narodov. Ser.: Teorija jazyka [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language theory]. - 2011., No. 1., pp. 50–58.

18. Michurin D.S. Precedentnyj polikodovyy tekst v verbal'no-izobrazitel'noj kommunikacii internet-soobshhestv (na materiale russkojazychnyh imidzh-forumov): avtoref. dis. kand. filol. Nauk [The precedent polycode text in verbal and graphic communication of Internet communities (on material of Russian-speaking image forums): abstract of the thesis by the Candidate of Philology]. - Tver', 2014. - 19 p.

19. Palkova A.V. Sociolingvisticheskie osobennosti kommunikacii v chatah [Sociolinguistic features of communication in chats]., Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]. - 2013., No. 24., pp. 112–118.

20. Pronina E.E. «Zhivoj tekst»: chetyre stilevyh priznaka net-myshlenija [«The live text»: four style signs of net-thinking]. Vestnik MGU. Ser. 10. Zhurnalistsika [Bulletin of the MSU. Series 10. Journalism]. - 2001., No. 6., pp. 74–80.

21. Samujlova L.V. Ustnost': mezhdru jazykom i pravom [Orality: between language and law]., Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]. - 2012., No. jo0., pp. 133–148.

22. Samujlova L.V. Ustnost': pravo, fol'klor, literatura [Orality: law, folklore, literature]., Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. - 2012., No. 24., pp. 135–142.

23. Sapozhnikova L.M. «Slova goda» v nemeckojazychnyh evropejskih stranah: jetnopsiholingvisticheskie i politicheskie aspekty [«Words of the year» in the German-speaking European countries: ethno-psycholinguistic and political aspects]. Slovo i tekst. sb. nauch. Tr. [Word and text. Collection of scientific works]. - Tver', 2014., pp. 74–78.

24. Sapozhnikova L.M.

Pragmaonomastika i onomasticheskij potencial «slov goda» v Germanii i Rossii [Pragmaonomastics and the onomastic potential of «the words of the year» in Germany and Russia]. Vestnik Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologija [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]. - 2014., No. 2., pp. 112–119.

25. Toropova O.V. Jazykovaja igra v strukture demotivatorov [Language play in the structure of demotivators]., Cheljabinskij humanitarij [Chelyabinsk humanist]. - 2013., No. 2 (23)., pp. 41–43.

26. Chernjanskaja V.E. Medial'nyj povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Medial turn in linguistics: polycode and hybrid texts]., Vestnik Irkutsk. gos. lingvistich. un-ta [Bulleting of the Irkutsk State Lingvistic University]. - 2015. No. 2 (23)., pp. 122–127.

27. Shhipicina L.Ju. Kompleksnaja lingvisticheskajaharakteristikakomp'juternoposredovanoj kommunikacii (na materiale nemeckogo jazyka): dis. dokt. filol. Nauk [Complex linguistic characteristic of the computer mediated communication (on materials of the German language): thesis by the Doctor of Philology]. - Arhangel'sk., 2010. - 459 p.

28. Shhurina Ju.V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii [Internet memes as the Internet communication phenomenon]., Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. - 2012. No. 3., pp. 161–173.

Литература:

1. Бондарькова А.В. Само-презентация в социальных сетях как особый Интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 1. С. 78–91.

2. Брэгг М. Приключения английского языка / пер. с англ. 2-е изд. М., 2014. 418 с.

3. Викторова О.А. Разные подходы к исследованию языковой игры на современном этапе // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 2. С. 174–180.

4. Викторова О.А. Языковая игра в демотивационных постерах // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспек-

ты. Тверь, 2014. Вып. 6. С. 32–35.

5. Воронько В.П. Вербальный компонент поликодового текста, его структура и функции // В мире научных открытий. 2012. № 11.3. С. 28–39.

6. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2014. № 1. С. 92–103.

7. Гречушников Т.В. Литература «на всех каналах» III – возврат к изустному? // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2013. № 5. С. 22–29.

8. Гречушников Т.В. I slam. Therefore I am. Устность и мультимедиа как литературный мейнстрим // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2013. № 24. С. 28–45.

9. Гречушников Т.В. Slam poetry: классика в мультимедийной современности // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 2. С. 21–27.

10. Громова Н.С. Лингвокультурологический аспект анализа креолизованных текстов // Язык и культура. 2013. № 4. С. 137–141.

11. Жолтикова М.А. Идентификация аббревиатур компьютерной сферы: стратегии и опоры // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2013. № 24. С. 293–297.

12. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс] / URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm/> (Дата обращения: 30.01.2015).

13. Казнова Н.Н., Овчинникова

И.Г. Коммуникация в социальных сетях по сравнению с блогосферой // Вопросы психолингвистики. 2014. № 3. С. 86–97.

14. Кирилина А.В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксации повседневности // Полифония большого города: сб. науч. ст. М., 2012. С. 54–74

15. Кирилина А.В. Понятие динамического объекта в постнеклассической лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4. С. 36–46.

16. Лингвистика креатива 2: коллективная монография / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 379 с.

17. Максименко О.И. Семиотические особенности медиатекста интернета // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. 2011. № 1. С. 50–58.

18. Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.

19. Палкова А.В. Социолингвистические особенности коммуникации в чатах // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2013. № 24. С. 112–118.

20. Пронина Е.Е. «Живой текст»: четыре стиливых признака нетмышления // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 6. С. 74–80.

21. Самуйлова Л.В. Устность: между языком и правом // Вестник

Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2012. № 80. С. 133–148.

22. Самуйлова Л.В. Устность: право, фольклор, литература // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2012. № 24. С. 135–142.

23. Сапожникова Л.М. «Слова года» в немецкоязычных европейских странах: этнопсихолингвистические и политические аспекты // Слово и текст. сб. науч. тр. Тверь, 2014. С. 74–78.

24. Сапожникова Л.М. Прагматика и ономастический потенциал «слов года» в Германии и России // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 2. С. 112–119.

25. Торопова О.В. Языковая игра в структуре демотиваторов // Челябинский гуманитарий. 2013. № 2 (23). С. 41–43.

26. Чернявская В.Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутск. гос. лингвистич. ун-та. 2015. № 2 (23). С. 122–127.

27. Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2010. 459 с.

28. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161–173.

Information about author:

1. Alexandra Zalevskaya - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

ON HUMAN FACTOR INFLUENCE ON SEMANTIC PROCESSES IN THE LANGUAGE SYSTEM

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

In this article the author has considered methodological questions of ontology of language and manifestation of a human factor in it. The principle of anthropocentrism, which has become the leading one in modern linguistics, caused the formation of the paradigmatic pluralism, allowing to establish the main aspects of a dichotomy «language – the person». Importance of the cognitive aspect of this dichotomy allowing to define a community of linguocentric and anthropocentric approaches to the language is justified.

Keywords: anthropocentrism principle, «language–person» dichotomy, semantics, language picture of the world, cognitive status of the word, linguistic image of the person.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

О ВЛИЯНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Ли В.С., д-р филол. наук, профессор
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматриваются методологические вопросы онтологии языка и проявления в нем человеческого фактора. Принцип антропоцентризма, ставший ведущим в современной лингвистике, обусловил формирование парадигматического плюрализма, позволяющего установить основные аспекты дихотомии «язык – человек». Обосновывается важность когнитивного аспекта этой дихотомии, позволяющего определить общность лингвоцентрического и антропоцентрического подходов к языку.

Ключевые слова: принцип антропоцентризма, дихотомия «язык – человек», семантика, языковая картина мира, когнитивный статус слова, лингвистический образ человека.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1260>

Вводные замечания

Современные общественные отношения и в целом современный мир, как известно, отличается небывалым ускорением процессов изменения и обновления во всех сферах человеческого бытия. Особенно заметны эти процессы в сфере науки. Наука о языке в этом отношении особенно показательна: лингвистика стала ведущей отраслью современного гуманитарного знания. Ее достижения используются не только во всех сферах общественной жизни, но оказывают огромное влияние на научно-исследовательский аппарат других отраслей знания. Лингвистический экспансионизм изменил облик и самой науки о языке.

Конец XX – начало XXI вв. в этой отрасли гуманитарного знания можно охарактеризовать, в соответствии с концепцией Т.С. Куна [8], как период экстраординарной науки, когда постепенно накапливающиеся в результате научных поисков аномалии и противоречия приводят к разрушению старой парадигмы и становлению новых стандартов видения мира, новых моделей постановки проблем и их решений. В этом проявляется феномен научной революции, когда не только пересматриваются постулаты “нормальной науки” и формируются новые парадигмы знания и когда перед научным сообществом ставятся новые вопросы о дальнейших путях разви-

тия соответствующей отрасли знания (в этом отношении весьма показательным названием книги одного из ведущих лингвистов современности Вяч. Вс. Иванова «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» [7] (см. также материалы сборника [13]). К числу таких актуальных вопросов, стоящих перед современной лингвистикой относится и вопрос о человеческом факторе в языке.

Основные подходы к характеристике человеческого фактора в языке

Бесспорно, лингвистика всегда занималась проблемой “язык и человек” или во всяком случае имела ее в виду, лишь на разных этапах истории науки и в разных лингвистических школах (парадигмах) ставя акцент то на первом, то на втором компоненте этого дихотомического единства. Достаточно для этого обратить внимание на часто встречающиеся графические выделения типа “Человек и язык” или “человек и Язык” На наш взгляд, более правомерным было бы эту проблему вербализовать не с помощью сочинительного соединения понятий “человек” и “язык”, а подчинительного, т.е. “язык человека” со следующими акцентами (графическими выделениями): “Язык человека” и “язык Человека”. Эти два аспекта проблемы отражают разные подходы к языку, которые можно назвать лингвоцентри-

ческим и антропоцентрическим (ср. два типа лингвистического описания у В.М. Алпатова – системоцентрическое и антропоцентрическое) [1: 16]. При лингвоцентрическом подходе к языку исследователь ставит целью описание “Языка человека”. Информация, полученная из анализа речевых проявлений, прежде всего информация об их содержательной стороне, помогает понять человека, его лингвистическую природу, которая варьируется в национально специфичных языковых репрезентациях, поскольку организация мира семантики во многом носит идиоэтнический характер. Достаточно полное описание человека невозможно без учета его лингвистической природы, поэтому необходимо различать не только “три разных плана существования самого человека – общий, биологический, во-первых, социальный и более конкретный, во-вторых, и личностный, индивидуальный, самый конкретный, в-третьих” [12: 16], но и добавить к этим характеристикам человека план лингвистический, что делает его не просто существом разумным, но и говорящим, homo loquens’ом. Исследование лингвистической природы человека является основной задачей антропологической лингвистики. Решение этой задачи поможет воссоздать образ человека и через него и с его помощью “наивную” (языковую) картину мира, описать основные системы, из которых складывается человек (см.

[2: 348-384]. Безусловно эти системы и составляющие их компоненты взаимодействуют друг с другом. Так, система восприятия физического мира у человека находится в тесных связях с ментальной системой, и эта связь, видимо, строится не столько на основе какого-либо их сходства, сколько на прямых, равноположенных и смежных отношениях, т.е. отношениях, полностью обусловленных когнитивными способностями человеческого сознания (ср. широко используемый термин «когнитивная семантика») (см., в частности, работу [4]). В лингвистической литературе уже обращалось на это внимание (см., например, сборники “Логический анализ языка”, в частности, [9]). Так, глаголы перцептивной сферы *видеть*, *смотреть*, *рассматривать*, *усматривать* и их производные, характеризующие зрительное восприятие, приобретают в русском (и не только в русском) языке когнитивный статус в таких примерах: *Никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем* (А. Чехов); *видеть* – ‘понимать’, ‘чувствовать’, ‘осознавать’. *Мы, взрослые люди, на детское горе смотрим очень легко. Разве может ребенок серьезно страдать?* (Н. Помяловский); *смотреть* – ‘относиться определенным образом к чему-либо’. Поэтому человек может “видеть насквозь” или “видеть” то, что существует лишь в его сознании и в подсознании (ср.: *видение*, *сновидение* и т.п.). Более того, когнитивный статус подобных глаголов позволяет “видеть” абстрактные понятия, действия, признаки: *Случается нередко нам И труд и мудрость видеть там, Где стоит только догадаться* За дело просто взяться (И. Крылов). Сомнение, уверенность, предположение, вероятность и др. подобные ментальные состояния и чувства, относящиеся к миру человека, могут быть описаны через зрительные ассоциации: *Он взял Подгорина под руку и все уводил его вперед, видимо, собираясь поговорить с ним о чем-то* (А. Чехов). *Этот скандал, несмотря на видимую ничтожность, обошелся ему дорого* (А. Чехов). На основе зрительного восприятия может передаваться и мир человеческих эмоций, в частности, удивление: *Где это ви-*

дано! Виданное ли это дело? Глаза бы мои не видели (глядели, видели)! Смотри-ка! и т.п.

Не менее интересная информация может быть извлечена из анализа слова *глаз*, именующего сам орган зрения. Показательно употребление этого слова в русской поговорке: *глаза горят* – ‘сильное желание’, *делать большие (круглые) глаза* – ‘удивляться’, *смотреть другими глазами* – ‘оценить с другой точки зрения’, *стоять в глазах* – ‘мысленно представить’, *закрывать глаза на что-нибудь* – ‘преднамеренно не обращать внимание’ и т.п. Таким образом, система физического восприятия, прежде всего зрительного, в лингвистическом мире человека тесно связана с его ментальным миром, и поэтому права Н.Д. Арутюнова, которая пишет: “В целом можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые восприятия. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем зрение. Для индоевропейских языков, по-видимому, характерно выдвижение на первый план глагола зрительного восприятия” [3: 113]. В создании лингвистического образа (портрета) человека, его внутреннего мира могут участвовать также языковые феномены, денотативно связанные с физическим миром и характеризующие, в частности, природные свойства тех или иных материальных объектов действительности или описывающие определенные процессы, свойственные им. Так, в русском языке глаголы *гореть*, *остыть* и прилагательные *горячий*, *холодный* в когнитивной функции описывают мир чувств и эмоций человека. Поэтому человек может “гореть ненавистью”, “гореть на работе”, у кого-то может “душа гореть” и т.п. Ср. также: *Инсаров давно кончил все свои сборы и горел желанием поскорее вырваться из Москвы* (И. Тургенев). *Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удалью и твердой решимостью* (И. Тургенев). И с другой стороны: *Волнение злости во мне было столь сильно, что я не надеялся на верность руки и, чтобы*

дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел (А. Пушкин).

Таким образом, при лингвоцентрическом подходе к языку человека мы можем извлечь из языковых (точнее – речевых) образований весьма интересные и очень полезные сведения о лингвистическом мире человека, описать образ и создать языковой портрет человека.

Проблема “язык человека” может быть рассмотрена и в ином плане, когда смысловой акцент ставится на понятие “Человек”. Сущность этого подхода в своеобразной, метафорической форме выразила Т.М. Николаева, когда она, разбирая случаи непрямого, оценочного воздействия на адресата (в высказывании ассертивная часть прячется под пресуппозитивную), пишет следующее: “Счастливая особенность лингвистики – в объекте, язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать. Таким образом лингвистам необходимо пройти три этапа: “Как это устроено?” + “Как это функционирует?” + “Как можно всем этим манипулировать?” [10: 154].

Манипулирование языком связано с речемыслительной деятельностью человека, с его способностью, опираясь на знания о мире, знание словаря и грамматики языка, разрабатывать языковые сценарии, расписывать и задавать роли для участников “языковой игры”. При таком подходе в центре внимания лингвиста оказывается язык Человека, языковая компетенция субъекта, т.е. использование языка, его функционирование в речи, что в конечном итоге способствует верификации языка-речи как онтологически цельного, единого феномена. Такой взгляд на язык (антропоцентрический) заставляет обратить особое внимание на факты, которые по традиции выносились за рамки языковой системы и интерпретировались как явления маргинального характера (порой они вообще не замечались). По существу маргинальными и несущественными они были в поле зрения исследователя, в его сознании, а не в самом языке, которым пользуется человек. Методологически это мотивировалось поис-

ками общей системы, желанием быть более объективным в своих наблюдениях и выводах, стремлением разработать казавшиеся точными методы исследования с целью приблизиться к сущности рассматриваемого объекта. Так понимаемая объективность, осознанное неприятие субъективного (= человеческого) фактора обернулись оборотной стороной. Лингвистика стала квазиестественной, псевдоточной наукой. И прав, видимо, был А.А. Потебня (многие его идеи вновь оказались актуальными для современного языкознания), когда в споре с Н.П. Некрасовым о значении грамматических форм писал: “Такое отвлеченное, а равно и вышеупомянутое общее значение корней и вообще “общее значение слов”, как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкознание не нуждается в этих “общих” значениях... Общее в языкознании важно и объективно только как результат сравнения не отдельных значений, а рядов значений, причем этим общим бывают не сами значения, а их отношения. В этих случаях языкознание доводит до сознания те аналогии, которым следует бессознательно творчество языка” [11: 43].

“Творчество языка”, как и любое другое творчество, всегда субъективно и скрытно в том смысле, что сам этот акт индивидуален, и в продукте творческой деятельности он всегда проявляется неявно, т.е. имплицитно. Имплицитность в языке есть не что иное, как следствие функционирования языка-речи, как результат использования языка человеком, результат манипуляций самого языка и манипулирования им, совершаемого homo loquens’ом. Подобное проявление “человеческого фактора в языке” можно заметить на всех его уровнях и во всех типах его речевых реализаций. В качестве иллюстративного материала можно рассмотреть случаи употребления в речи форм повелительного наклонения. Так, например, при описании некоторых ситуаций и событий в отрицательных конструкциях русского языка возможны лишь глаголы несовершенного вида, т.е.: *Не плюй в колодез, но не *Не плюнь в*

*колодез; Не решай задачу, но не *Не реши задачу; Не отвечай на его вопросы; но не *Не ответь на его вопросы; Не одевайся слишком тепло; но не *Не оденься слишком тепло* и т.п. Как тонко подметила Т.В. Булыгина, “в форме совершенного вида не могут выступать глаголы, обозначающие действие, зависящее от воли субъекта” [5: 341]. В качестве примеров приводятся такие случаи правильного и аномального употребления: *Смотри-те носов не отморожьте* при сомнительном *?Не отмораживайте носов; Не поскользись; Не стукнись*; но невозможно **Не защити диссертацию; *Не плюнь в колодез; *Не помой посуду; *Не подари ей эту книгу; *Не пойдди за хлебом*. Действительно, значение ‘зависит/не зависит от воли субъекта’ следует признать в данном случае одним из дифференциальных признаков видового противопоставления русского глагола. Ср.: *Не падай* (‘зависит от воли субъекта, ситуация может контролироваться им’) – *Не упади* (‘ситуация не контролируется субъектом, но зависит от случая и каких-то непредсказуемых обстоятельств’). Совершенный вид, как можно заметить, обозначает действие, не контролируемое субъектом, не подвластное ему, что особенно ярко выступает в таких примерах: *Не властны мы в поместиях своих. Не смеи согнать ленивца! Рад не рад, Корми его, не смеи переманить Работника!* (А.Пушкин).

В связи с таким характером видового противопоставления под влиянием воли говорящего субъекта примеры, приводимые Т.В. Булыгиной, нельзя признать абсолютно корректными. Впрочем, это замечание можно отнести и к другим работам по грамматической семантике, в которых иллюстративная часть не всегда обоснованно обозначается звездочкой (*), указывающей на аномальность, неправильность соответствующей фразы или запрет, накладываемый языковой системой. Однако “манипуляция” языка и “манипулирование” языком позволяют обойти эти запреты. В этом сказывается проявление человеческого фактора в языке, воля говорящего субъекта, способного преодолевать запреты и ограничения. В конкретном случае с приведенными

примерами снять ограничения позволяет введение в контекст показателя случайности, непредсказуемости, ошибочности, непреднамеренности, например: **Не плюнь в колодез – Не плюнь сослепу в колодез. *Не помой посуду – Не помой по ошибке чужую посуду. *Не подари ей эту книгу – Не подари ей случайно эту книгу.*

В этом проявляется также одно из ключевых свойств языка Человека – примат содержания над формой, способность преодолевать сопротивление со стороны формы языка. В конкуренции между семантикой и формой побеждает первая, в чем можно еще раз убедиться при внимательном анализе приведенных примеров: *Не дари ей эту книгу* – несовершенный вид – действие контролируется субъектом; форма глагола конгруэнтна семантике. **Не подари ей эту книгу* – совершенный вид – запрет на форму наложен семантикой ‘действие, не контролируемое субъектом’. *Не подари случайно ей эту книгу*; неконгруэнтность между формой и семантикой преодолена в пользу семантики (словом *случайно*, с помощью которого актуализируется значение неконтролируемости ситуации. Приоритет семантики над грамматической формой А.А. Потебня выразил следующим образом: “Есть языки, в коих подведение под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, время, лицо и пр., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формою, в них является лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют” [11: 3]. Действительно, преодоление формы “требует каждый раз нового усилия мысли”, и эта работа мысли связана не с соблюдением формальных грамматических правил (это, по словам А.А. Потебни, “не обходится нам... почти ни во что” [11: 37], а с подведением “содержания под общие схемы”. Эти мысли А.А. Потебни созвучны с современными представлениями о сущности грамматики. В подтверждение этого приведем высказывание А. Вежбицкой: “... грамматика кодирует значения. Она представляет собой не систему правил для порождения грамматически верных предложений, но систему правил для порождения

дения и интерпретации осмысленных высказываний. Главная проблема говорящего заключается не в том, чтобы породить грамматически правильные предложения, а в том, чтобы сказать то, что он хочет сказать, и понять то, что говорят другие» [6: 30-31]. При таком подходе к грамматике и ее категориям, в частности к морфологическим, грамматические формы и грамматические значения – это не просто строевые элементы языка, а маркеры, с помощью которых при создании осмысленных, семантически референтных (отмеченных) высказываний высвечиваются воля и намерения говорящего субъекта (то, что принято называть иллокутивными силами). В роли маркеров могут выступать также единицы, которые по традиции не подводятся под категории грамматики, но говорящий их использует наравне с последними.

Заключение

Антропоцентрический подход к языку, ориентированный на мир семантики и ментальной деятельности человека, заставляет пересмотреть многие сложившиеся теории, обратить внимание на факты, не замеченные “глазами” прежних концепций, приблизиться к сущности языка и его человеческой природе, поэтому следует признать, что антропоцентризм как ведущий общенаучный принцип открывает новые перспективы перед лингвистикой.

References:

1. Alpatov V.M. Predvaritel'nye itogi lingvistiki XX veka [Preliminary results of the XX century linguistics]. *Lingvistika na ishode XX veka: itogi i perspektivy: Tezisy mezhdunarodnoj konferencii* [Linguistics at the end of the XX century: results and prospects: Theses of the international conference]., Vol. I. – Moskva., MGU, 1995., pp. 16-19.
2. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija [Image of a person according to language data: attempt to make the system description]., Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. II. – Moskva., Jazyki russkoj kul'tury [Russian culture languages], 1995., pp. 348-384.
3. Arutjunova N.D. “Polagat” i “videt” (k probleme smeshannyh propozicional'nyh ustanovok) [«To believe» and «to see» (on the problem of the mixed propositional installations)]. *Logicheskij analiz jazyka* [Logical analysis of the language]. *Problemy intensional'nyh i pragmaticheskikh kontekstov* [Problems of intensional and pragmatical contexts]. – Moskva., Nauka [Science], 1989., pp. 107-119.
4. Boldyrev N.N. Kognitivnaja semantika [Cognitive semantics]., *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. – Tambov., Publishing house of TGU named after G.R. Derzhavin, 2014. – 236 p.
5. Bulygina T.V. O granicah i sodержanii pragmatiki [About limits and contents of pragmatics]., Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on material of the Russian grammar)]. – Moskva., Jazyki russkoj kul'tury [Russian culture languages], 1997., pp. 325-350.
6. Vezhbičskaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. – Moskva, *Russkie slovari* [Russian dictionaries], 1997. – 416 p.
7. Ivanov Vjach. Vs. Lingvistika tret'ego tysjacheletija: Voprosy k budushhemu [Linguistics of the third Millennium: Questions to the future]. – Moskva., Jazyki slavjanskoj kul'tury [Slavic culture languages], 2004. – 208 p.
8. Kun T.S. Struktura nauchnyh revolucij [Structure of scientific revolutions]. – Moskva, «AST», 2009. – 310 p.
9. Logicheskij analiz jazyka. Adresacija diskursa [Logical analysis of language. A discourse addressing]., Edited by N.D. Arutjunova. – Moskva, Publishing house «Indrik», 2012. – 512 p.
10. Nikolaeva T.M. Lingvisticheskaja demagogija [Linguistic demagoguery]., *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and problems of an intentionality]. – Moskva., Nauka [Science], 1988., pp. 152-177.
11. Potebnja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on Russian grammar]., Vol. I-II. – Moskva., Prosvshhenie [Enlightenment], 1958. – 536 p.
12. Chelovečeskij faktor v jazyke: Jazyk i porozhdenie reči [A human factor in language: Language and generation of speech]. – Moskva., Nauka [Science], 1991. – 412 p.
13. Modern Linguistic systems as Instruments of the Reality Transformation: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXVI International Research and Practice Conference and II stage. – 2014.

Литература:

1. Алпатов В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. Т. I. – М.: МГУ, 1995. – С. 16-19.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. – М.: Языки русской культуры, 1995.- С. 348-384.
3. Арутюнова Н.Д. “Полагать” и “видеть” (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989.- С. 107-119.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
5. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 325-350.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
8. Кун Т.С. Структура научных ре-

волюций. - М.: «АСТ», 2009. — 310 с.

9. Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. - М.: Издательство «Индрик», 2012. - 512 с.

10. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. - М.: Наука, 1988. - С. 152-177.

11. Потебня А.А. Из записок по

русской грамматике. Том I-II. - М.: Просвещение, 1958. - 536 с.

12. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. - 412 с.

13. Modern Linguistic systems as Instruments of the Reality Transformation: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXVI

International Research and Practice Conference and II stage

Information about author:

1. Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

REPRESENTATION OF THE GLOBAL INNOVATIVE INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE IN THE MODERN CINEMA (BASED ON MATERIALS OF TRAILERS TEXTS)

O. Nazina, Candidate Of Philology
Orenburg Presidential Cadet School, Russia

The article deals with the special features of trailers' texts representing the idea of formation of a global innovative information and communication space as one of the modern society's trends. The author also analyzes the revealed semantic fields of actualization of the researched phenomenon in the language of movie advertising.

Keywords: trailer, advertising text, cinematograph, global informational space, innovation, information and communication technology, semantic field.

Conference participant, National championship in scientific analytics

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ТРЕЙЛЕРОВ)

Назина О.В., канд. филол. наук
Оренбургский государственный университет, Россия

В статье анализируются особенности репрезентации в текстах трейлеров идеи формирования глобального инновационного информационно-коммуникационного пространства как одной из тенденций развития современного общества, приводятся выделенные автором семантические области актуализации исследуемого феномена в языке рекламы кинофильмов.

Ключевые слова: трейлер, рекламный текст, кинематограф, глобальное информационное пространство, инновация, информационно-коммуникационная технология, семантическая область.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i9.1261>

Популяризация идей о поглощении мира информационно-коммуникационными технологиями и повсеместном внедрении виртуального пространства достигла в настоящее время своего апогея. Данное явление является объектом исследования в различных областях знания – как естественнонаучного и математического, так и гуманитарного характера. Не вызывает сомнений актуальность подобных исследований в сфере массовой коммуникации, в том числе в кинематографе, поскольку он является «наиболее массовым из всех искусств» [4, с. 236] и выступает в роли «проводника духовных ценностей в широкие слои населения» [2], с одной стороны, отражая существующие тенденции современных социальных отношений, с другой стороны, формируя определённый взгляд на рассматриваемые явления и внушая реципиенту заложенные в кинофильмах смыслы.

В данном исследовании мы рассматриваем тенденции репрезентации инновационного информационно-коммуникационного пространства в рекламной коммуникации на материале текстов трейлеров. Трейлер представляет собой рекламный видеоролик с фрагментами фильма, которые в текстовом плане являются цитатами, и – в некоторых случаях – сопроводительным рекламирующим текстом. При этом кинофильм предстаёт объек-

том рекламирования, а текст трейлера – рекламным текстом, нацеленным на представление коммерческого продукта в наиболее выгодном свете. Трейлер можно рассматривать как «особое языковое образование, обладающее мощным прагматическим потенциалом», являющееся «квинтэссенцией авторского замысла, а также зоной пересечения всевозможных прагматических установок создателей кинокартины» [3, с. 60]. Основные задачи текста трейлера – создать интригу, пробудить интерес, привлечь внимание реципиента. Материалом настоящего исследования послужили тексты трейлеров, затрагивающих тему виртуальной реальности, создания искусственного интеллекта, роли информационно-коммуникационных технологий в формировании международной глобальной культуры. В количественном отношении преобладающее большинство проанализированных нами текстов составляют трейлеры англоязычных фильмов, что, вероятно, обусловлено лидирующей позицией кинематографа США в актуализации прагматического эффекта на реципиентов в условиях глобализации киноиндустрии.

В ходе исследования нами были выделены следующие семантические области актуализации в трейлерах концепта «инновационное информационно-коммуникационное пространство»:

1. Превосходство «разумных машин» и искусственного интеллекта над человеком:

«Не важно, насколько ты умён. Только машина может быть умнее машины» (кинофильм «Игра в имитацию», 2014).

«Представьте себе компьютер, обладающий полным спектром человеческих эмоций. Его аналитическая мощь будет превосходить коллективный разум всех людей, когда-либо родившихся на Земле. Кто-то называет это уникальностью. Я называю это Превосходством» (кинофильм «Превосходство», 2014).

На семантическом уровне преимущество искусственно созданных интеллектуальных машин над человеком реализуется в текстах трейлеров за счет использования в них лексических единиц, актуализирующих концепты «ум», «разум», «эмоции», «уникальность», «превосходство» и другие.

2. Угрозы, исходящие от продуктов развития информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта:

«Наш мир опутан паутиной. Мы – часть глобальной сети. Наши пароли под угрозой. Наши данные под угрозой, наши личности, деньги, банки, дома, тайны, мечты, семьи, судьбы, жизни... Вы больше не можете защитить себя» (кинофильм «Кибер», 2015).

«Они не осознают опасности. Искусственный разум – как и любой другой. У него тоже есть потребности. Он станет развиваться, влиять на всё, возможно, на весь мир» (кинофильм «Превосходство», 2014).

«Эта машина... Вы в курсе, сколько людей она погубила?» (кинофильм «Игра в имитацию», 2014).

«Сегодня начались масштабные поиски военного робота, исчезнувшего со склада улик ФБР в Неваде около трёх дней назад. Лаборатория занималась разработками на основе автономных технологий нового поколения. Проект был заморожен после того, как робот-солдат нарушил заложенный алгоритм. Ошибка в работе стоила жизни всем 18 членам лаборатории» (кинофильм «Прототип», 2015).

В текстах трейлеров эксплицитно или имплицитно сообщается о потенциальных опасностях, которые несут в себе инновации в сфере информационно-коммуникационных технологий, глобальное информационное пространство, искусственный интеллект в случае злоупотребления их использованием.

3. Роль человеческого фактора в совершенствовании информационно-коммуникационных технологий и создании «сверхмашин»:

«Чтобы создать сверхразум, мы должны разгадать величайшие тайны Вселенной» (кинофильм «Превосходство», 2015).

«Некоторые загадки хочется разгадать. Вот только рискнёшь ли ты будущим, чтобы исправить прошлое?» (кинофильм «Континуум», 2014).

4. Создание виртуальной реальности:

«Фантастика стала реальностью. Готовы войти в параллельную реальность?» (кинофильм «Андроид», 2013).

5. Перспективы расширения человеческих способностей посредством инновационных технологий:

«Большинство людей использует только 10 % возможностей своего мозга. Представьте, если бы мы могли достигнуть 100 %! Начнут происходить интересные вещи. Что случится, когда она достигнет 100 %? Понятия не имею! Все эти знания... ты сможешь открыть секреты за пределами

нашей Вселенной. Я даже не уверен, что человечество готово к этому» (кинофильм «Люси», 2014).

« – Тело Уилла умирает, но его мозг посылает электрические сигналы. Мы можем загрузить его сознание. Мы спасём его. – Но если мы хоть что-то упустили – мысль, детское воспоминание, как ты поймёшь, с чем столкнулась? ... Он способен мыслить, возможно даже чувствовать, но это – не Уилл. Твои друзья перешли границу» (кинофильм «Превосходство», 2014).

Анализ семантики приведённых выше текстов позволяет прийти к умозаключению, что создатели трейлеров не отрицают, а, напротив, апеллируют к возможности выхода за пределы способностей обычного человека с помощью инновационных технологий. При этом прослеживается настороженность авторов текстов относительно потенциальных последствий данных преобразований, выражающаяся в использовании лексических единиц, актуализирующих концепт «опасность», и риторических вопросов.

Следует отметить, что инновации в области информационно-коммуникационного пространства как одна из тенденций развития современного общества отражаются в текстах трейлеров не только в содержательном, но и в формальном плане, поскольку в процесс их создания внедряются нововведения в области логистики и массовой коммуникации (система специальных приёмов прагматического воздействия на реципиента), способствующие более эффективному восприятию текста реципиентом. Так, к примеру, в трейлере кинофильма «Андроид» (2013) реализуется эффект «рекламы в рекламе»: трейлер содержит другой рекламный текст, предлагающий воспользоваться специальным приложением для телефона:

«Невероятный опыт погружения в дополнительную реальность. Впервые в мире! В курсе, как работает это приложение? Отдайте своему телефону ВЛАСТЬ НАД РЕАЛЬНОСТЬЮ! Скачайте приложение перед просмотром. Установите приложение с помощью QR-кода перед просмотром, ЧТОБЫ ШАГНУТЬ В НОВОЕ ИЗМЕНЕНИЕ!»

Как текст самого трейлера, так и «встроенное» в него рекламное сообщение вызывают к воображению потенциального реципиента, его желанию возвыситься над реальностью, ощутить свою власть, пережить опыт погружения в виртуальное пространство. Это актуализируется в языковом плане путём использования соответствующих лексических единиц, шрифтовыведения, восклицаний, призывов и вопросительных предложений, что в целом способствует реализации лингвопрагматического воздействия.

В результате исследования особенностей текстов трейлеров современных кинофильмов, апеллирующих к идеям формирования глобального инновационного информационно-коммуникационного пространства, можно сделать следующие выводы:

- тексты трейлеров отражают тенденцию к глобализации и стандартизации, типичную для современных социальных отношений, что проявляется в популяризации в них идей, отвечающих требованиям общемирового социокультурного пространства и поднимающих актуальные для него вопросы, связанные, в том числе, с повсеместной информатизацией, внедрением инноваций, позволяющих создавать виртуальную реальность, значительным прогрессом в развитии информационно-коммуникационных технологий;

- на лингвосемантическом уровне в текстах трейлеров, репрезентирующих концепт «инновационное информационно-коммуникационное пространство», с одной стороны, осуществляется акцентирование знания как источник силы, перспектив расширения человеческих способностей посредством инновационных технологий и значительной роли человеческого фактора в создании виртуального мира и искусственного интеллекта, а, с другой стороны, подчёркивается возможность превосходства «разумных машин» над человеком и возникновения связанных с данным фактором угроз.

References:

1. Gavrilova, V. Razrabotka jeffektivnoj strategii prodvizheniya

fil'ma [Text] [Development of effective strategy of cinema promotion]. V. Gavrilova, M. Vlasova., Menedzher kino [Movie manager]. – 2008., No. 48., P. 60.

2. D'jachenko, I.V. Social'noe vozdejstvie reklamy kino v uslovijah globalizacii [Social impact of the movie ads in conditions of globalization] [Online resource]. I.V. D'jachenko Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij [Scientific problems of Humanitarian Studies]. – 2011., Issue 2., Access mode: <http://www.fesmu.ru/voz/20142/2014207.aspx>

3. Skvorcova, E.V. Pragmalingvisticheskiy potencial maloformatnyh tekstov nazvanij amerikanskih kinofil'mov [Pragmatic and lingvistic potential of low-format texts of titles of the American movies] [Online resource]. E.V. Skvorcova Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija:

Gumanitarnye nauki [Scientific bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities]. – 2011., Vol. 9., No. 6., Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmalingvisticheskiy-potentsial-maloformatnyh-tekstov-nazvaniy-amerikanskih-kinofilmov>

4. Jezenshtejn, S. Izbrannye proizvedenija: v 6 t. [Selected works: in 6 Vol.]. [Text] S. Jezenshtejn. – Moskva., 1967. – Vol. 5., p. 236.

Литература:

1. Гаврилова, В. Разработка эффективной стратегии продвижения фильма [Текст] // В. Гаврилова, М. Власова. – Менеджер кино. – 2008. – № 48. – С. 60.

2. Дьяченко, И.В. Социальное воздействие рекламы кино в условиях глобализации [Электронный ресурс] / И.В. Дьяченко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011.

– Выпуск 2 - <http://www.fesmu.ru/voz/20142/2014207.aspx>

3. Скворцова, Е.В. Прагмалингвистический потенциал малоформатных текстов названий американских кинофильмов [Электронный ресурс] / Е.В. Скворцова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011 – Том 9. – № 6. – <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmalingvisticheskiy-potentsial-maloformatnyh-tekstov-nazvaniy-amerikanskih-kinofilmov>

4. Эйзенштейн, С. Избранные произведения: в 6 т. [Текст] / С. Эйзенштейн. – М., 1967. – Т. 5. – С. 236.

Information about author:

1. Olga Nazina - Candidate of Philology, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg city; e-mail: olgakud86@mail.ru

VERBALIZATION OF THE «BRUTALITY» CONCEPT IN VARIOUS DISCOURSES OF UKRAINIAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

L. Shutova, lecturer, Candidate of Philology, Associate Professor
Luhansk National University named after Taras Shevchenko,
Ukraine

The article deals with the analysis of the concept of “brutality” in the Ukrainian and Russian linguocultures on the basis of its representation in dictionaries, as well as in journalistic and fiction discourses. The structure of the concept has been examined including its conceptual, figurative and evaluative components.

Keywords: masculinity, brutality, concept, conceptosphere, linguoculture, stereotypes.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «БРУТАЛЬНОСТЬ» В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Шутова Л.И., канд. филол. наук, доцент
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко,
Украина

Статья посвящена анализу концепта «брутальность» в украинской и русской лингвокультурах на основе его представленности в словарях, а также в публицистическом и художественном дискурсах, рассмотрена структура концепта, в частности его понятийная, образная и ценностная составляющие.

Ключевые слова: маскулинность, брутальность, концепт, концептосфера, лингвокультура, стереотипы.

Участник конференций, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1262>

Современная лингвистика характеризуется повышенным вниманием к когнитивной составляющей языковой картины мира. Язык, по Г. Колшанскому, – это «интериоризация мышления, облеченная в материальную форму» [12, с. 6]. В связи с этим все существующее в нем является важным предметом исследования как результат движения мысли. «Услышать» мысль мы можем посредством слов: «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» [4, с. 293]. Культурные смыслы, закрепленные в сознании носителей языка, создают свою систему, называемую концептосферой и представляющую собой объединение концептов. На сегодня существует несколько подходов к исследованию этих «сгустков культуры в сознании человека» (Ю. Степанов). Для наиболее полной картины исследования на сегодня важным является привлечение механизмов психологии, культурологии, гендерологии, этнолингвистики и др.

Поскольку «опыт в коллективном и индивидуальном сознании концептуализируется не произвольно, а в соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира» [10, с. 122], то современное научное знание должно базироваться на исследованиях способов отображения лингвокультурных

концептов как отдельных, так и нескольких культур, что дает исследователю понимание особенностей сознания представителей разных языковых сообществ и предлагает вектор дальнейших исследовательских действий.

Опираясь на понимание концепта как ментального образования, объединяющего три составляющих (понятийную, образную и ценностную), проанализируем структуру концепта «брутальность» в русской и украинской лингвокультурах. Этот термин относительно недавно активизировался в речевом обиходном употреблении двух культур, хотя не является новым для языкового сообщества. Учитывая отсутствие данного термина во многих словарях, но активность его употребления в произведениях современной художественной литературы, в публицистическом и разговорном дискурсах, имеет смысл рассмотреть особенности функционирования его в языковом сознании русского и украинского народов.

Согласно данным словарей, *брутальный* [лат. *brutalis* – жестокий] – грубый, суровый, жестокий, зверский [13, с. 30]. Большой толковый словарь современного украинского языка дает два значения этого слова: «1. Грубый; жестокий (про вдачу, поводження і т. ін.). 2. зах. Великий, сильний» [3, с. 99].

Этимологический словарь украинского языка указывает на польское посредничество этого слова из фран-

цузского языка: «*brutal* – «грубый, брутальный; тваринячий, звірячий; раптовий, різкий» походить від слат. *brutalis*, пов’язаного з лат. *brūtus* «важкий; незграбний, неповороткий» [8, с. 270].

Толковый словарь украинского языка под редакцией В. Бусела для обозначения брутального, некультурного человека подает слово *бурбон* [3, с. 102], которое оказывается в структуре анализируемого концепта. Характерно, что в русских толковых словарях в семантике слова *бурбон* признак «брутальный» заменен другими определениями: «грубый, невежественный, властный человек» [19].

Слово «брутальный» стало исходным для других производных, сохраняющих в своей семантике признаки грубости и жесткости (брутализм – направление в архитектуре; бруталист – архитектор, работающий с грубой поверхностью или структурой; брутальность – дебоширство).

Синонимический ряд слова «брутальный», по данным словаря синонимов украинского языка, – *грубіянський, грубий, жорстокий* [9, с. 33]. Учитывая семантическую структуру этого слова, поданную в других словарях, синонимический ряд анализируемого концепта выглядит так: *властний, грубий, жесткий, жестокий, невежественный*.

Элементы брутальности могут присутствовать и в устной речи, это происходит при использовании вуль-

гаризмов. Их характеризуют как «грубые, брутально-ругательные слова или обороты, используемые в литературном языке» [23, с. 26]. Брутальность в речи является предметом осуждения в обоих языках как отклонение от культурных норм.

Каждый язык обладает набором универсальных концептов. Неизменными в каждом из них являются концепты «мужчина» и «женщина». Гендерная лингвистика, набирающая обороты в научном поле в последнее десятилетие, имеет в своем арсенале набор ключевых понятий, которые характеризуют отношение к мужчинам и женщинам в том или ином обществе, а также их место, занимаемое в культуре страны. Такими являются концепты «маскулинность» и «феминность».

Гендерные концепты имеют те же характеристики, что и обычные «кванты знания». Поскольку это многомерные лингвоментальные образования, они обладают рядом признаков. Это гетерогенность, внутренняя расчлененность, а также переживаемость (влияние концептов на эмоциональную сферу человека, которому проявляют симпатию или антипатию), семиотическая плотность (наличие тематических и синонимических рядов, полей, наличие данного понятия в литературных сюжетах, произведениях искусства и т.д.), ориентированность на план выражения (наличие парадигматических и синтагматических связей) [6, с. 77].

Социологические исследования конца XX – начала XXI веков показали трансформацию в обществе представлений о гендерной стратификации и гендерных ролях.

Понятие «брутальность» сегодня все чаще связывают с концептами «мужчина», «маскулинность». Сегодня понятие «брутальный мужчина» понимают как объект страсти, человек, обладающий сугубо мужскими признаками: сила, мужество, серьезность, хладнокровие, жесткость, жестокость.

Так называемый актуальный слой структуры концепта (по Ю. Степанову) выявляется в коллективном сознании, представленном текстами СМИ, художественных произведений и т.д.

Контекстуальными синонимами слова *брутальный* в публицистическом дискурсе являются *энергичный, крепкий, неотесанный, бесстыдный*: «*А тот (сорокалетний; может, и сорок пять, крепкий, брутальный) с готовностью выскочил из мастерской*» [18]; «*У мене особисто склалось враження, що в сусідньому будиночку німецькі емігранти знімали найбільш брутальний і безсоромний фільм*» [11].

Как свидетельствуют контексты, противоположные брутальности признаки – сентиментальность («*По крайней мере Анфисе ее нынешний ухажер (парень, кстати, очень брутальный) эту страшную тайну открыл: признался, что смотрел «Волебную страну» и рыдал, как девочка*») [7]; слабость («*Один брутальный на вид бизнесмен оказался, представьте, слабым, не допытал свою жертву до предсмертных судорог, сломался раньше*») [20].

Публицистический дискурс создает условия для формирования гендерного имиджа. Так, на страницах газет, журналов, в языке телевидения сформировался образ эдакого брутального мужчины – сурового внешне и мягкого внутри. Знакомясь с этим образом со страниц прессы, современные мужчины понимают, что в некотором роде «не дотягивают» до идеала. Кризис маскулинности, о котором начали говорить на Западе уже в 70-х годах прошлого столетия, перешел в затяжную стадию: «*Я теж, мабуть, не відповідаю їй (дружини – Л.Ш.) уявленням про мужчину. Вчора прийшов з роботи зморений, заснув у кріслі, прикрившись газетою. Син мені свиснув, як на Канарах, і показав очима на маму. Вона якраз пролітала на мітлі. Жіночий імператив завше один: ти винен і ти повинен*» [16, с. 89-90]. Где уж тут быть настоящим мужчиной в мире, где правят женщины! В романе украинской писательницы Леси Романчук «Не залишай мене надовго» показан современный мужчина глазами женщины, которой не хватает брутальности в его характере: «*Софія зрозуміла, нареши, чого хоче. Їй хотілося, щоб Сергій побив Максима. У справжній чоловічій бійці, без умовностей, не метафорично, кулаками*»; «*Чоловік, що виявляє в цьому сенсі більш цивілізо-*

вані реакції, виглядає тухтієм: «І оця нікчема, цей боягуз, що навіть не вміє по-чоловічому поглянути в очі хай по-зірній небезпеці, і є її гордий, завжди певний себе Максим?»; «*І Софія зрозуміла: усі ці роки вона була заміжня за ... не за чоловіком, це точно*» [21, с. 84-85]. Вспомним в связи с этим самохарактеристику героя фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» Жени Лукашина: «Рядовой сотрудник с рядовой зарплатой и сомнительной внешностью». Некая мужская «усредненность» стала обыденным явлением в нашем обществе: «В постсоветском Интернет-пространстве нашел дальнейшее развитие архетип мужской несамостоятельности, особенно отчетливо проявившийся на фоне актуализации образа независимой женщины. Эта оппозиция, несамостоятельный мужчина – сильная женщина, свойственна всей славянской культуре», хотя, как отмечает далее Л. Компанцева, «у украинских женщин изначально было более независимое положение в семье и общине, чем, например, у россиянок и белорусок» [14, с. 126].

Образная составляющая концепта определяется синтагматическими связями слова. Прилагательное *брутальный* наиболее часто (если речь идет о мужчине) употребляется со словами *мужчина, мачо и самец*: «*В общем, стал совсем похож на боевика или латиноамериканского партизана. Эдакий брутальный мачо. Заявиться в таком виде в отцовский дом я не решался, и, когда отправлялся к родителям, переодевался в цивильную одежду и тщательно прятал пистолет под курткой*» [22]; «*Пастернак – не тот брутальный самец, который, закрыв глаза, идет на сигнал женской плоти...*» [2].

По материалам сетевой энциклопедии, *мачо* (от исп. *macho* – букв. самец) – «агрессивный, прямолинейный мужчина, обладающий ярко выраженной сексуальной привлекательностью» [1]. Согласно словарям, «мачо – сильный, мужественный мужчина // грубый, неотесанный человек» [17]; «енергійний, мужній чоловік; справжній чоловік; перен. самець» [3, с. 653]. Как видим, украинский словарь относит выраженную предельную ма-

скулиность, агрессию мужчины на периферию семантической структуры слова, подает это как переносное значение и определяет прямое номинативное значение как позитивную характеристику мужчины.

И.С. Кон в своей книге «Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире» отмечает, что классический образ мачо создан по образу и подобию могучего доминантного Альфа-самца. И хотя по некоторым данным, таких мужчин всего 10-20%, именно они считают себя «настоящими мужчинами» и проявляют себя там, где необходимо показать силу, а часто и грубость (война, силовые виды спорта). По словам И.С. Кона, «поскольку эти свойства филогенетически самые древние и на них жестко ориентирована любая мальчишеская и юношеская субкультура, их поддерживают и им завидуют и многие мужчины, сами не принадлежащие к этому типу» [15].

Анализ российских и украинских публицистических текстов показал, что восприятие и оценка слова «мачо» зависит от контекста и даже интонации. Мачо – не просто мужчина, а синоним понятия «супермужчина», «настоящий мужчина». Его отличительные признаки – агрессия, брутальность (читай: жесткость). Что же отличает настоящего мужчину от просто мужчины? Социологический опрос, проводимый в канун 23 февраля газетой «Комсомольская правда» показал, что брутальный, смелый, эрудированный – самые востребованные качества сильной половины человечества.

Для украинцев негативный аспект характеристики слова «брутальный» все еще остается на высоком уровне и является ключевым: «*Але досить змінитись поведінці, і я міняюсь, «душа» міняється, я роблюся злий, брутальний, аморальний, мені все огидне*» [5].

Слова *брутальный, брутал, мачо* активизировались в употреблении в сети Интернет. Они часто составляют сетевое имя пользователя: «Брутальный покидьок», «Брутальный Меланхолик», «Викинг Брутальный», «Brutal», «Brutal Bunny», «Brutal Murderer», «DJ Brutal». Перечень никнеймов, конечно, далеко не полный. Но их существование и стремление людей к именно такой номинации в Сети объ-

ясняется попыткой создать себя как виртуальную личность, в основе которой «лежат понятия ролевой игры и импровизации. Пробуя себя в различных виртуальных образах, сетяне не только отрабатывают возможные и желаемые модели поведения, но и переформируют свой собственный внутренний мир, вырабатывают новую модель поведения в реале» [14, с. 267]. Следует также отметить, что чаще все-таки пользователи выдают желаемое за действительное и приписывают себе несуществующие черты характера в силу разных причин (скованности, косноязычия, наличия различных комплексов и т.д.).

Обобщая вышесказанное, отметим, что концепт «брутальность» по отношению к человеку и в русской, и в украинской лингвокультурах характеризуется такими признаками как грубость, жестокость, властность, невежественность, что имеет негативную коннотацию. Признак брутальности отмечен и в отношении к предметной сфере. Соприженность его с концептами «маскулинность» и «мужчина» вносит в семантику позитивный компонент, поскольку во многих соответствующих контекстах этот признак – один из идеализирующих признаков мужчины для представительниц противоположного пола.

Исследование концепта «брутальность» как составляющая исследований маскулинности не является исчерпывающим, а только дополняет существующие научные данные. Перспективным, на наш взгляд, является анализ структуры данного концепта в других славянских и иных культурах.

References:

1. Wikipedia, macho, the Free Encyclopedia [Online resource]. Wikipedia., Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/macho>.
2. Anninskij L. Russkij chelovek v Hurgade i v Marburge [A Russian in Hurgada and in Marburg] [Online resource]., Anninskij L. Druzhba narodov [People's friendship], 2005., No. 12., Access mode: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/12/an21-pr.html>.
3. Velikij tлумachnij slovník suchasnoї ukráins'koї movi [Big

explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. Edited by V.T. Busel. – Kyiv., Irpin', VTF «Perun», 2005.

4. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and the description of languages]. – Moskva., Jazyki russkoj kul'tury [Russian culture languages], 1999. – 780 p.

5. Vinnichenko V. Chesnist' z soboiu [Self-honesty] [Online resource]., Vinnichenko V., Access mode: http://ukrlit.org/vynnychenko_volodymyr_kyrylovych/chesnist_z_soboiu/16.

6. Vorkachev S. Lingvokontseptologija i mezhkul'turnaja komunikacija: istoki i celi [Linguoconceptology and cross-cultural communications: sources and purposes]., Filologicheskie nauki [Philology]. – 2005., No. 4., pp. 76-83.

7. Danilova S. Macho tozhe plachut? [Do machos cry too?] [Online resource] Danilova S., Komsomol'skaja Pravda [Komsomol Truth], 2008.10.22., Access mode: <http://www.kp.ru/daily/24185/393319>.

8. Etimologichnij slovník ukráins'koї movi [Etymology dictionary of the Ukrainian language]., Vol. 1. – Kyiv., Naukova dumka [Scientific thought], 1982.

9. Karavans'kij S. Praktichnij slovník sinonimiv ukráins'koї movi [Practical dictionary of the Ukrainian synonyms]. – Kyiv., Ukráins'ka kniga [Ukrainian book]., 2000.

10. Karasik V.I. Jazykovaja kristallizacija smysla [Language crystallization of the sense]. – Moskva., Gnozis, 2010. – 351 p.

11. Kidruk M. Meksikans'ki hroniki. Istorija odnicioj Mrii [Mexican chronicles. Story of one dream]. [Online resource]. Kidruk M., Access mode: <http://mreadz.com/new/index.php?id=128217&pages=55>.

12. Kolshanskij G.V. Obektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke [Objective picture of the world in knowledge and language]. – Moskva., KomKniga, 2010. – 128 p.

13. Komlev N.G. Slovar' inostrannyh slov [Foreign words dictionary]. [Online resource]. Komlev N.G. – Moskva., JeKSMO-Press, 2000. – 1308 p., Access mode: <http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov.html>.

Литература:

14. Kompanceva L.F. Gendernye osnovy Internet-kommunikacii v postsovetском prostranstve: Monografiya [Gender bases of Internet communication in the post-Soviet space: Monograph]. – Lugansk., Al'ma-mater, 2006. – 392 p.
15. Kon I. S. Menjajushhiesja muzhchiny v izmenjajushhiesja mire [The changing men in the changing world]. Maskulinnost' kak istorija [Masculinity as history]. [Online resource]., Kon I. S., Access mode: http://read.newlibrary.ru/read/kon_i_s_/page25/menjajushhiesja_muzhchiny_v_izmenjajushhiesja_mire.html.
16. Kostenko L. Zapiski ukraїnskogo samashedshogo [Notes of the Ukrainian madman]. – Kyiv., A-ba-ba-ga-la-ma-ga, 2010. – 416 p.
17. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]., Edited by S.A. Kuznecov [Online resource]. – St. Petersburg: Norint, 2000. – 1536 p., Access mode: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.
18. Makanin V. Andegraund, ili Geroj nashego vremeni [Underground or the Hero of our time] [Online resource]. Makanin V., Access mode: http://royallib.com/read/makanin_vladimir/andegraund_ili_geroy_nashego_vremeni.html.
19. Ozhegov S.I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. RAN. In-t rus. Jaz [RAS. Institute of the Russian language]. – Moskva., Azbukovnik, 1999.
20. Pavljuchik L. Otmorozok s pajal'noj lampoj [The dolt with a blowtorch]. [Online resource]., Pavljuchik L. Work-7, 2007.08.02., Access mode: <http://www.trud.ru/article/02-08-2007/119124.html>.
21. Romanchuk L. Ne zalishaj mene odnu [Don't leave me alone]., Vol. 3. – Ternopil', Dzhura, 2002. – 312 p.
22. Sadulaev G. Shalinskij rejid [Shalinsky raid] [Online resource]., Sadulaev G. Znamja [Banner]. – 2010., No. 1., Access mode: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>.
23. Slovník zhurnalista: Termini, mas-media, postati [The journalist's dictionary: terms, mass media, statues]. Edited by Ju.M. Bidzili. – Uzhgorod., VAT «Vidavnictvo «Zakarpattja», 2007.
1. Wikipedia, мачо // the Free Encyclopedia [Электронный ресурс] / Wikipedia. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/мачо>.
2. Аннинский Л. Русский человек в Хургаде и в Марбурге [Электронный ресурс] / Аннинский Л. // Дружба народов, 2005. – № 12. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzha/2005/12/an21-pr.html>.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.
4. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
5. Винниченко В. Чесність з собою [Электронный ресурс] / Винниченко В. – Режим доступа: http://ukrlit.org/vynnychenko_volodymyr_kyrylovych/chesnist_z_soboiu/16.
6. Воркачев С. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76-83.
7. Данилова С. Мачо тоже плачут? [Электронный ресурс] / Данилова С. // Комсомольская правда, 2008.10.22. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24185/393319>.
8. Етимологічний словник української мови. Том 1. – К.: Наукова думка, 1982.
9. Караванський С. Практичний словник синонімів української мови. – К.: Українська книга, 2000.
10. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
11. Кідрук М. Мексиканські хроніки. Історія однієї Мрії [Электронный ресурс] / Кідрук М. – Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=128217&pages=55>.
12. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: КомКнига, 2010. – 128 с.
13. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Комлев Н. Г. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1308 с. – Режим доступа: <http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov.html>.
14. Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве: Монография. – Луганск: Альма-матер, 2006. – 392 с.
15. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Маскулинность как история [Электронный ресурс] / Кон И. С. – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/kon_i_s_/page25/menjajushhiesja_muzhchiny_v_izmenjajushhiesja_mire.html.
16. Костенко Л. Записки українського самашедшого. – К.: А-ба-ба-гала-ма-га, 2010. – 416 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.
18. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени [Электронный ресурс] / Маканин В. – Режим доступа: http://royallib.com/read/makanin_vladimir/andegraund_ili_geroy_nashego_vremeni.html.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. – М.: Азбуковник, 1999.
20. Павлючик Л. Оtmorozok с паяльной лампой [Электронный ресурс] / Павлючик Л. // Труд-7, 2007.08.02. – Режим доступа: <http://www.trud.ru/article/02-08-2007/119124.html>.
21. Романчук Л. Не залишай мене одну. – Кн. 3. – Тернопіль: Джюра, 2002. – 312 с.
22. Садулаев Г. Шалинский рейд [Электронный ресурс] / Садулаев Г. // Знамя. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>.
23. Словник журналіста: Терміни, мас-медіа, постаті / За заг. ред. Ю. М. Бідзілі. – Ужгород: ВАТ «Видавництво «Закарпаття», 2007.

Information about author:

1. Lilia Shutova - Lecturer, Candidate of Philology, Associate Professor, Luhansk National University named after Taras Shevchenko; address: Ukraine, Luhansk city; e-mail: lilshu@mail.ru

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL
PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC
AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED
LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM
OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL
QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 32899949

GISAP Championships and Conferences 2016

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JANUARY			
Educational sciences and Psychology	19.01-26.01	I	Modern peculiarities of the identity formation and social adaptation in conditions of the liberal values crisis
FEBRUARY			
Philology	09.02-15.02	I	Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	09.02-15.02	I	Cultural and historical development of the society as the dynamic expression of the self-learning human existence
MARCH			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	10.03-15.03	I	Problems of fighting human and animal diseases in terms of the biosphere conditions deterioration
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	10.03-15.03	I	Social relations and conflicts in conditions of intensification of economic processes and dominance of liberal ideology
APRIL			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	06.04-12.04	I	Theoretical and applied problems of physical, mathematical and chemical sciences in the context of the social demand for the knowledge limits expansion
Technical Science, Architecture and Construction	06.04-12.04	I	Methods of effective science-based satisfaction of the increasing social needs in the field of engineering, construction and architecture
MAY			
Educational sciences and Psychology	12.05-17.05	II	Influence of knowledge and public practice on the development of creative potential and personal success in life
JUNE			
Philology	08.06-13.06	II	Issues of preservation of originality and interference of national languages in conditions of globalized international life
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	08.06-13.06	II	Human creativity phenomenon in ups and downs of the historical process
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	06.07-12.07	II	Innovative approaches in diagnostics and treatment of human and animal diseases caused by injuries, genetic and pathogenic factors
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	06.07-12.07	II	Value of the personality and collective interactions in the social progress ensuring process
AUGUST			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	04.08-10.08	II	Modern methods of studying matter and interaction of substances, as well as the subject-based relations modeling
Technical Science, Architecture and Construction	04.08-10.08	II	Solving problems of optimal combination of standards of quality, innovative technical solutions and comfort of operation when developing and producing devices and construction objects
SEPTEMBER			
Educational sciences and Psychology	13.09-19.09	III	Harmonious personal development problem in relation to specificity of modern education and socialization processes
OCTOBER			
Philology	05.10-10.10	III	Trends of language cultures development through the prism of correlation between their communicative functions and cultural-historical significance
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	05.10-10.10.10	III	Significance of personal self-expression and creative work in the course of formation of the society's cultural potential
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	10.11-15.11	III	Modern methods of ensuring health and quality of human life through the prism of development of medicine and biological sciences
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	10.11-15.11	III	Correlation between humanity and pragmatism in target reference points of modern methods of public relations regulation
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	07.12-13.12	III	Object-related and abstract techniques of studying spatio-temporal and structural characteristics of matter
Technical Science, Architecture and Construction	07.12-13.12	III	Current trends in development of innovations and implementation of them into the process of technical and construction objects production

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh,
Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Jemal Mehmed (Turkey)

Ferdinand de Saussure confessedly didn't like to deal with issues of family life. Of course, the considerable part of such cares was laid on the
Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
January 17, 2016

GISAP: Philological Sciences №9 Liberal* (January 2016)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov

Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2053-1532

ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Standichenko, Valentina Kuznetsova

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom

Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the
• permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

